

КОНСТАНТИН
Брес

ПРЕДАННАЯ
жена
ГЕНЕРАЛА
Драконов

Константин Фрес

**Преданная жена
генерала Драконов**

«Литнет»

2026

Фрес К.

Преданная жена генерала Драконов / К. Фрес — «Литнет», 2026

Мой муж – Высший Генерал Драконов. Властный, сильный и красивый. Мы женаты второй год, но между нами мало чувств. Уважение, долг, этикет, но не любовь. Я думала, что все смогу исправить, родив мужу ребенка. Но роды застали меня в пути, а моя попутчица оказалась... любовницей моего мужа! И она настроена решительно. А ее пистолет безжалостно смотрит мне в лоб! Но и я так просто не намерена сдаваться! Ведь на руках у меня — пара крохотных новорожденных сыновей-драконов. А впереди — долгая жизнь в новом, здоровом и крепком теле. Ведь я — попаданка, которая умерла в своем мире, не осуществив ни одной своей мечты. И выпавший мне второй шанс я точно не упущу! А эти предатели еще получают по заслугам!

© Фрес К., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Белокурый демон	5
Глава 2. Побег	8
Глава 3. Память	11
Глава 4. Спасение	15
Глава 5. Слезы	19
Глава 6. Убежище	22
Глава 7. Покинутый мир	24
Глава 8. Первые траты	28
Глава 9. Покупки	31
Глава 10. Ужин на двоих	35
Глава 11. Из сахара и масла	38
Глава 12. Куда пойти, куда податься	41
Глава 13. Фейергар	44
Глава 14. Лейтенант	47
Глава 15. Первый заказ	50
Глава 16. Торт	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1. Белокурый демон

— Как же долго я этого ждала... Как долго ненавидела тебя! Ты даже не представляешь себе, с каким удовольствием я сейчас прострелю тебе голову!

— Вы с ума сошли, леди Милдред?!

Я стараюсь, чтоб мой голос звучал твердо, ровно и гордо, а ужас так и подкатывает к горлу тошнотой.

Качка кареты, мчащейся в осеннюю туманную ночь, только усугубляет дурноту.

На руках у меня — пара спящих младенцев.

Рожденных только сегодня утром.

Мной рожденных.

Мне все еще дурно после родов.

Все тело ломит.

Меня знобит. Голова то и дело кружится.

Отправиться в путь в таком состоянии было чистым безумием.

Но леди Милдред твердила — срочно! Ваш муж ждет вас! Он приказал не медлить!

И ее нетерпеливое волнение передавалось и мне.

Исполнительная, холодная, внимательная и точная, как часы.

Смелая до безрассудства, почти до безумия. При этом характере не удивительно, что она выбрала карьеру военного.

Она была личным адъютантом моего мужа-генерала, его правой рукой.

И его устами — когда сам он был слишком далеко, чтобы отдать приказ лично.

На этот раз его приказом было немедленно ехать к нему. Милдред это произнесла сразу, как только я прекратила вопить от родовой боли.

— Час на отдых и снова в путь, — железным голосом произнесла она. — Генерал не привык ждать. Мы и так потеряли сутки с этой вашей кровавой возней! Вы же уверяли, что роды предстоят только через пару недель?

— Вероятно, это дорога поспособствовала их началу, — слабо ответила я. — Рас-трясло...

— Это не важно. Рожаете вы, а отчитываться мне! Черт подери... Генерал ненавидит оправдания!

— Уймитесь, — повысила голос я. — Со своим мужем и его недовольством я разберусь сама. Мои роды — не ваше дело.

— Разберетесь, — насмешливо фыркнула Милдред.

Иногда мне казалось, что леди Милдред знает моего мужа намного лучше, чем я.

Что, кстати, неудивительно.

Я за ним замужем второй год, а она с ним с начала войны. Уже шесть лет. Все вокруг воспринимали ее как тень моего мужа...

И я подчинилась. Я была слишком слаба после родов и не отдавала себе отчета, что происходит и к чему на самом деле эта спешка.

Я позволила обмыть себя, переодеть белье.

Кое-как мое несчастное тело втиснули в дорожное платье.

Сыновей прислуга завернула в батистовые пеленки с монограммой с инициалами мужа.

Потом их уложили в большую корзину, на меховое покрывало, и укрыли теплым одеялом.

Сделали все, чтобы они не простудились. Не пострадали. И доехали до отца в целости и сохранности.

А теперь эта ненормальная Милдред целится в нас из пистолета и скалит белые ровные зубы, выбирая, в кого из нас троих стрелнуть первым.

И от понимания того, что эти крохотные комочки, мои мальчики, могут сегодня же и умереть, у меня темнеет в глазах.

Леди Милдред похохатывает. Пистолет прыгает в ее пальцах, словно она пьяна. Да она и пьяна — жажда крови делает ее ненормальной.

У нее небесно-голубые глаза, фарфорово-прозрачная кожа и пшеничного цвета волосы, тщательно завитые и надушенные. Они веселыми пружинками рассыпались по плечам женщины, блестят как золото на темной ткани ее дорожного костюма.

Я с удивлением смотрю на нее и понимаю, что она не солдафон, каким всегда казалась, а красивая женщина.

Слишком молодая и слишком красивая... И как это я раньше этого не видела?!

И как допустила, чтоб эта хищница терлась рядом с моим мужем?

Ну, теперь-то поздно на это пенять. Все встало на свои места.

— Вы не посмеете, — ледяным голосом чеканю я, крепче прижимая корзинку с сыновьями к себе. — Мой муж вас уничтожит. Достанет из ада и уничтожит еще раз.

Милдред смеется, негромко. Но очень страшно.

— Ваш муж и приказал мне сделать это! — торжествуя, говорит она.

В ее радостных глазах горит огонь, и я чувствую, как в моей груди разрывается невероятная боль.

— Что? — шепчу я. А голоса своего не слышу. — Это ложь! Это невероятная, мерзкая ложь! Семья для моего мужа — это святое и драгоценное!

— Фейергар не дорожил тобой ни секунды, — зло выплевывает леди Милдред. — Он не велел бы беременной жене отправиться в путь, если б боялся за нее. Он велел везти тебя не ради встречи с ним. Он хотел, чтобы ты... нечаянно потерялась вместе с ребенком. Потому что все это время он любил только меня! А ты мешала нашему счастью, беременная корова!

— Вы лжете, — выдыхаю я гневно.

А воздух вокруг меня словно отравлен ядом предательства и горькой правды.

— Он велел освободить место для меня! — рычит Милдред, с щелчком взводя курок и направляя дуло пистолета на меня. — Он велел уничтожить тебя, и саму память о тебе, чтобы я больше не страдала от того, что ты прикасалась к нему! Сука!

Ее рука, затянута в черную узкую кожаную перчатку, дрожит. Лицо перекошено от злобы, рот неприятно оскален.

— Он и тобой не дорожит, — выдохнула я яростно. — Любимым женщинам не доверяют работы палача! Ведь если тебя поймают...

— Не поймают, — усмехается Милдред, издевательски прищуривая один глаз. — Я все продумала. Мы отъехали довольно далеко от города, тут не услышат выстрела. К тому же, для меня это радость — прикончить тебя, ненавистная, мешающая, раздражающая и досадная помеха!

В страхе я закрываю глаза.

Черно.

Абсолютно черно вокруг меня.

И в душе моей тоже черно.

Сегодня я узнала о чудовищном предательстве. И знание это стоит мне жизни.

Но это не самое страшное.

Самое страшное — это то, что мои сыновья последуют в небытие за мной.

По приказу их отца...

— Последнее желание? — усмехается Милдред.

— Пощади сыновей, — шепчу я помертвевшими от страха губами. — Они ни в чем не виноваты. Они невинны! Фейергар не мог желать смерти своему ребенку! Он не мог просить и его убить вместе со мной!

Леди Милдред с ухмылкой слушает мои горячие мольбы и скалится еще безумнее и веселее.

— Они так похожи на него! — продолжаю молить я. — Посмотри! У них его глаза! Ты сможешь стрелять в лица, так похожие на любимого?!

— Я стрельну в сердце, — огрызнулась Милдред.

— Сможешь выстрелить в ребенка?! — рыдаю я. — Да что ты за чудовище такое?! Это ведь моя последняя просьба!

Мне страшно смотреть на эту женщину.

Как, за что, почему мой муж полюбил этого монстра без души и сердца?!

— В этой милости тебе отказано, — цинично цедит она. — Я вас всех ненавижу. Что хотел Фейергар, сейчас неважно. Он не знает о новорожденных. И никогда не узнает. Прощай, стерва. Ненавижу тебя. Катись в ад, и там мучайся вечно!

Грянул выстрел — это последнее, что я услышала в своей жизни.

Глава 2. Побег

С нечеловеческой силой я кинулась вперед.

Наверное, в последний миг перед выстрелом, когда Милдред уже нажимала на спусковой крючок.

Вцепилась в ее руку и откинула страшное дуло от своего лица.

Направила его куда-то вниз, повиснув всем телом на руке убийцы, впотьмах не разобралась куда.

Грянул выстрел, звонкий, такой, что уши заложило.

Рот Милдред некрасиво распялился в беззвучном крике.

Точнее, кричала-то она более чем громко, но я не слышала. В ушах звенело.

Запах пороха жег ноздри. Пороха и... чего-то еще, слишком знакомого и пугающего.

Запах крови.

Кто ранен? Милдред, я?

В шоке я не почувствовала бы и боли, наверное. Все мое тело горело, я была легка, и даже не чувствовала сопротивления напавшей на меня женщины.

Но, кажется, миловало. Милдред сидела, скособочившись, сжавшись в тугий узел страдающей плоти, сжимая ногу чуть выше колена обеими руками.

На темной ткани ее платья расплзлось темное пятно, поблескивающее в темноте влажной. Слишком быстро расплзлось.

Милдред была смертельно бледна, ее светлые глаза казались черными провалами на обескровленном лице. Перчатки на руках, которыми Милдред зажимала рану, казались скользкими.

Кажется, выстрелом ей раздробило бедро.

Так-то, милый! Даже если я погибну, ты получишь хромую, а то и безногую любовницу!

Я почувствовала острый вкус торжества, от которого в голове образовалась острая, пугающая ясность.

Кучер, наверное, услышал звук выстрела.

Да его невозможно было не услышать, как и шум борьбы. Карета, до того мчавшаяся по дороге, стала замедляться.

— Тебе все равно не жить, мерзавка!

Милдред снова потянулась к пистолету.

Хищное злобное животное...

Она обронила его на сидение. Но, даже будучи серьезно раненной, она хотела довести дело до конца.

Безо всякой жалости я ударила кулаком по ее кровоточащей ране, нарочно стараясь причинить ей как можно больше боли.

И она взвыла, заорала, вскинулась...

И осела изломанной куклой, верно, потеряв сознание от шока.

Медлить было нельзя.

Карета ехала все медленней.

Подхватив корзину с младенцами, я лишь мельком глянула в личики малышей. Они, разумеется, плакали, разбуженные нашей с Милдред дракой.

Но на них не было ни капли крови. Они были целы и невредимы, не ранены, хвала небесам!

Открыв дверцу кареты, прижав к груди корзинку, я отчаянно толкнулась всем телом и пулей вылетела наружу, в ночь.

Выпрыгнула удачно.

Пробежав по инерции с десятков шагов, я спрыгнула с дороги в колючие кусты.

И, оставляя на них клочки своей одежды, помчалась вниз по тропинке, скрываясь в темноте и тумане.

Зачем я бежала?

Почему-то мне казалось, что кучер заодно с Милдред.

Его голос испуганно звал ее, не меня.

Спрашивал, все ли хорошо с ней, не со мной. И останься я на месте, он наверняка довел бы дело Милдред до конца.

— Вы целы? Вы цели, миледи?

Милдред отвечала ругательствами, сдавленными рыданиями и стонами.

— Где леди Торгарн?!

— Убежала! — стонала Милдред, мечась на окровавленных сидениях и не находя себе ни места, ни покоя, ни облегчения.

— Прикажете догнать? — кучер обернулся к месту, где я скрылась в кустах. Осветил факелом разрозненные ветви, разогнав мрак и туман.

— Да черт с ней! — взвыла в слезах Милдред. — Я ранена, и серьезно! Бедро раздроблено! О, как печет... Мне нужно к врачу!

— Доедем так быстро, как смогут нести кони! — поспешно откликнулся кучер.

— Идиот! Мне больно! — вскричала Милдред, роняя злые слезы. — Вези бережно!

— Миледи, если мы не поспешим, вы рискуете истечь кровью. Так что вам придется сжать зубы и потерпеть.

— О, как больно!.. — рыдала она бессильно. — И ни обезболивающей пилюли, ни кровоостанавливающего!..

— У леди Торгарн с собой не было? Она же только что родила. Ей должно было быть тяжело путешествовать.

— Мы ничего не взяли с собой... Смысл-то был лечить эту корову, если я везла ее на убой! Ну, помоги мне лечь!

Но я ничего этого не слышала. Я бежала вперед, не разбирая дороги.

Где-то близко пахло дымом, углем — значит, жилье людей было близко.

Добежать, добежать и попросить приюта и помощи! Для себя и детей...

Я не понимала, почему мои преследователи не пошли за мной.

Найти и поймать меня не составило бы большого труда. Дети заливались плачем во все горло.

Скоро и ответ на этот вопрос последовал: под ногами захлюпало. Ноги мои по щиколотки начали проваливаться во влажный податливый грунт.

Болото.

Я помчалась искать спасения через болото.

Не зная дороги. Обессиленная, больная, с ношей на руках, которая и здоровой женщине была б тяжела.

Что должны были думать мои преследователи?

Что я пропаду, затянута трясиной, на десятом же шаге.

Но и тут мне повезло. Несказанно повезло.

Первый серьезный осенний холод сковал трясину.

Прихватил морозцем кочки, сплел траву в колеблющуюся сетку, под которой — вода и смерть.

И я неслась по этим кочкам, перепрыгивая вспыхивающие под ногами впадинки с водой.

Неслась, не обращая внимания на то, как горят от усталости и непомерной тяжести мышцы.

И лишь когда блестящие лужицы и подернутая инеем зыбкая болотная сеть из трав кончились, а мои ноги ступили на твердую каменистую дорогу, силы меня покинули.

О, боги, как я была измучена!

Я с трудом волочила ноги, а дети, мои крохотные дети, которых я вынесла, спасла от неминуемой гибели, кричали и звали меня, чтобы я утешила и накормила их.

Но сделать этого я уже не могла.

Кое-как я добрела до дерева и свалилась у его корней.

На колени себе поставила корзинку и накрыла ее полами своего плаща от порывов злого ветра. Положила руку на возящихся малышей, чуть похлопала, успокаивая.

— Ну, все, все, — пробормотала я, откидываясь на шершавый древесный ствол. — Мы победили. Мы спаслись!

И это была первая и последняя моя победа в этой жизни.

А дальше на меня навалились пустота и мрак. И сознание выскользнуло из моей головы.

Глава 3. Память

— Вставай! Вставай! Померла, что ли?

Точнее и не скажешь.

Померла.

Мысли и образы толкались в моей раскалывающейся от боли голове.

Я помнила, как стреляла в Милдред, помнила, как бежала через болото.

Но эти воспоминания были как кадры из захватывающего фильма, или из дурного цветного сна. Будто не со мной.

А те, другие воспоминания...

Я даже заплакала, увидев их. Заметалась от душевной боли, стараясь отвернуться.

Не вышло.

Я слишком хорошо их видела, эти дурные, пахнущие кровью картинки.

Я помнила, как мы с матерью шли вдоль дороги.

Пылала пыльная нещадная жара. Я тащила тяжелую сумку с продуктами.

Мать мне выговаривала — как обычно, — за то, какая я никчемная неудачница, сидящая вечно без денег. В поношенных джинсах. Некрасивая. И никто замуж не возьмет.

Я уныло молчала и мечтала провалиться сквозь землю.

— Ну, ничего, — выговорившись, выдохнула мать. — Хорошо же, что у тебя есть такой умный брат. С ним не пропадешь! Пожалуй, он найдет тебе применение. Да вот же, кстати. На днях он говорил, что одной старушке требуется сиделка. Подзаработаешь.

— Ну ма-ам, — протянула я, холодея.

Старушке.

Сиделка.

Наверняка старушка больна.

Неходячая.

С соответствующим набором болячек в виде пролежней и набором потребностей типа памперсов...

Просто мечта, а не подработка!

— На лето, — вдохновленная моим молчанием, продолжила мать, — поедешь к ней. В деревню. Проживание, питание... Там колонка с колодезной водой у дома. Свежий воздух! И заплатят тысяч шестьдесят.

Я чуть не подавилась воздухом.

Шестьдесят за лето?! За уход за старушкой?!

Ага, свежий воздух...

Миазмы ее горшков вместо свежего воздуха.

— За квартиру не беспокойся, — продолжала воодушевленно щебетать мать. — Брат за ней присмотрит! Уже и квартиранты нашлись, кстати.

— Квартиранты?!

Квартиру я купила сама. Выстрадала, вытянула. Пять лет без отдыха.

«Дошик», пельмени и старые джинсы. Ничего лишнего, никаких сладостей, никакой роскоши.

Это было огромное дело, которое я вывезла сама, без чьей-либо помощи. По-взрослому. Не прося ни у кого помощи.

Торжествуя, я объявила об этом матери, рассчитывая хотя б на похвалу.

Я смогла! Я сделала! Обеспечила себя жильем и будущим, что ли.

Но мать предпочла видеть мою старую, поношенную и застиранную одежду.

Моя квартира, мой дом, моя крепость, отбитая в тяжелом бою с жизнью, была обозвана неряшливым курятником.

— В нее еще вложить надо столько же, чтоб там можно было жить, — ворчала мать. — Чему ты радуешься, дуреха? Сдохнешь теперь в бесконечных ремонтах.

И эта тяжелая, но славная победа вдруг потускнела и посерела и для меня.

Я словно окаменела. Сжалась в пульсирующий ком боли и обиды.

И с тех пор жила в нем, как в старом футбольном мяче, который время от времени попинывала моя семейка.

— Ну, а как платить квартплату?! — взвилась мать. — Ты же не думаешь, что кто-то за тебя это делать будет, пока ты работаешь и дома не живешь! Кто на себя взвалит эту ношу? Заботу о твоей собственности?! Ишь ты, ушлая какая! Вот, из денег квартирантов будет оплата света, газа... Тебе, кстати, надо зайти к Олежику и подписать бумаги.

У меня во рту стало горько и холодно. Словно я лизнула железяку на морозе и теперь давлюсь кровью.

Мне показалось, что мать хитроумно отнимает у меня мое жилье, чтобы и без того не бедствующий Олежек мог за мой счет еще немного обогатиться.

Примерно на сотню в месяц.

Сдавая мою квартиру каким-то квартирантам и складывая прибыль себе в карман.

Пока я буду дышать миазмами помирающей старушки и слушать ее хрипы...

— Я не хочу, — вдруг упрямо произнесла я. Неожиданно для себя самой, не то, что для матери, привыкшей к моему молчаливому, тоскливому согласию.

— Что?! — удивилась мать, будто не расслышала.

— Я никуда не поеду, — вдруг твердо произнесла я. — Ни к каким бабушкам. Ни на лето, ни на осень. И квартиру свою квартирантам я не сдам.

Это был первый мой в жизни демарш!

Революция, бой, труднее и важнее, чем приобретение жилья!

Я ощутила невероятный подъем, отчаянную смелость, будто не с матерью родной говорю, а с драконом сражаюсь.

— Что значит не сдашь, — беспечно ответила мать. — Людям уже обещано. Иди тогда и скажи им, что заселения не будет! Ишь, какая умная! Хозяйкой себя возомнила?! Да ты шагу без нас ступить не можешь! Чуть что — «мам, мам!»! А как к тебе за помощью обратились, так «нет»?

Мать знала, чем меня подцепить.

Я до ужаса боялась объясняться с людьми.

Объяснять им причину.

Я же всем и всегда должна. Меня так учили — быть удобной.

Не заставлять себя ждать, не возражать. Оправдывать ожидания. Исполнять обещания. Молчать. И делать то, что велят.

Выйти из этих рамок очень трудно.

Даже если ты уже пяток лет живешь самостоятельно и независимо.

Потому что ты просто не знаешь, как надо. Как можно...

И не понимаешь, что ты имеешь право на все то же, на что претендуют другие нормальные люди.

Кажется, даже кошку в своей новой квартире я не смогла завести потому, что мать завизжала в телефонную трубку:

— Что? Кот?! Ни в коем случае! Через мой труп! Ты с ума сошла — вонь, шерсть, грязь в доме?! Кто это будет убирать, я? Ну уж нет!

Но сдача моей квартиры, минуя меня — это последняя капля!

Я себя почувствовала мусорным мешком, который ногой задвигают за дверь.

Какой затхлый запах ненужности...

— Сами с ними объясняйтесь! — со слезами выкрикнула я. — Почему вы меня не спросили? Почему все решили за моей спиной?

— Как не спросили? — завохотала мать, чуя неладное. — Я же сейчас спрашиваю.

— Так вот я не согласна!

— Да как ты можешь!.. Как можешь! — вскипела мать. — У Олежика скоро ребеночек будет. Ему деньги нужны, как никогда! Ну, а тебе зачем? Что тебе, трудно годик-другой пожить с бабушкой?

— Годик-другой?! — истерично вскрикиваю я.

Обнажаю свое слабое место...

— Ну, полгода! Год — это максимум. Может, два, пока не умрет. Ты на себя-то посмотри. Вечно в рванине ходишь, неряха. Ни мужа, ни семьи. Какая тебе разница, где жить. А Олежек — мальчик из приличной семьи, у него жена умница. Ему ронять планку нельзя...

Я-то тоже из той же самой приличной семьи, разве нет?!

— Так это они у меня жить собираются? — в ужасе понимаю я. — Олег с женой!

И то верно. Семья «мальчика из хорошей семьи» живет в студии.

А у меня двушка. С улучшенной планировкой, большая. Кухня пятнадцать квадратов. Царские апартаменты, понимаю я, что бы ни говорила с презрением моя мать. У нее у самой квартира меньше.

И если Олежек ко мне въедет, его потом никакой силой не выгонишь!

— Первое только время! — ворчит мать медведицей. — Ты и не заметишь!

Ясно.

Просто решили меня обобрать.

Отнять то, что им нужно.

Вывать из моих слабых тощих ручонков.

— Нет!

Лицо матери становится каменным, злым.

Она ухватывает сумку и что есть силы дергает ее из моих рук.

Я веса невеликого.

Лечу вслед за этой сумкой прямо на проезжую часть, потому что руки мои намертво сжаты на ее ручке.

Мать смотрит прямо на меня взглядом лютого бульдога.

Рвет сумку еще и еще, пытаюсь меня с нее стряхнуть.

— Пошла вон, дрянь неблагодарная, — шипит она с ненавистью.

Лишает меня своей благосклонности.

И я боюсь.

Безотчетным движением вцепляюсь в сумку, как в детстве цеплялась за ее юбку.

Мне кажется, что конец света наступил. Мать меня бросает, отрекается. И дальше я одна.

Какой-то иррациональный, детский страх.

— Мамочка, прости, — умоляюще шепчут мои губы. — Мамочка!..

— Дрянь, дрянь! — мать с ненавистью рычит сквозь сжатые зубы.

— Мамочка...

Дальше я слышу визг тормозов и чувствую страшный, оглушающий удар.

«Это ничего, — успеваю подумать я, открывая полные боли глаза. В ушах звенит, и выдержать боль нет никаких сил. — Это пройдет, главное — мама рядом!»

— Мамочка...

Глупая детская надежда на грани отчаяния, что суровая мать сменит гнев на милость и приласкает, скажет: «Да ничего. Я не сержусь, милая!».

Машиной меня отбросило метров на десять.

И последнее, что я видела — это как моя мать с остервенением разжимает мои сжатые на ручке сумки пальцы.

...Так что да, я благополучно умерла!

Прокат книги Хозяйка разорившейся таверны. Путь к счастью. 50% на 5 дней!

https://litnet.com/shrt/j0N_

Аннотация к книге "Хозяйка разорившейся таверны. Путь к счастью"

Умерев в своём мире, я попала в тело хозяйки таверны, юной Мари.
 Теперь я не шеф-повар элитного ресторана, а опозоренная на весь город девушка. Таверна почти не приносит дохода. Жених соблазнил, надругался и бросил. Да еще и хочет отнять последнее, что у меня осталось!
 Я на грани нищеты и голода. И мне одна только дорога: в публичный дом.
 Как избежать ужасной участи? Как не отчаяться и выжить? И как обрести свое счастье, когда все вокруг против тебя?

Глава 4. Спасение

— Это твои дети?

Мое лицо освещает тусклый фонарь.

Из сумерек на меня смотрят два лица.

«Крестьяне», — почему-то подумала я.

Это словцо хорошо подходит к этим низким, но широким и крепким людям в простой, но добротной темной одежде.

На женщине, кажется, белеет фартук. Голова ее покрыта островерхим шапочкой-чепцом с длинными завязками. На луковицу похожа. И цвета такого же.

Я, кое-как придя в себя, смотрю в корзину. На пищащих младенцев.

И, оглушенная, понимаю — мои.

Мамочка...

Я только что родила?! Сейчас?! Сегодня?!

Тело согласно отзывается болью.

Я не готова к этому!

Я даже беременная не была! Никогда! Да и до акта зачатия как-то не довелось дойти!

А-а-а, какие дети, блин?! Я не готова, не готова!

— Конечно, ее, — отвечает ворчливый мужской голос. — Смотри — у нее все платье в крови.

Только этого не хватало!.. Стыд-то какой!

Страх придает мне сил и заставляет выкидывать дикие выходки.

Я подскакиваю так, что едва не раскидываю своих доброжелателей, отыскавших меня под деревом и склонившихся надо мной.

Женщина летит вправо, мужчина с фонарем — влево.

— Не троньте нас! — рычу я, как тигрица.

Кидаюсь и рываю вполне себе правдоподобно.

Женщина, свалившись вниз головой в колючий куст, отчаянно дрыгает ногами и визжит.

Видны ее икры в полосатых чулках, толстые дебелие ляжки и теплые штанишки, подобие нижнего белья.

Муж ее не из робкого десятка.

Чертыхается, но в себя приходит быстро.

— Тише, дамочка! — рычит он, раскачивая фонарем перед собой как охранным амулетом. — Никто вас не тронет! Да кто за вами гонится?!

Я вспоминаю лицо леди Милдред, и меня начинает трясти.

Сползаю по дереву и снова усаживаюсь без сил у корней.

— Демоны, — выдыхаю я.

— Ну, дела! — кричит мужчина с фонарем. — Они вас убить хотели?! Не бойтесь! Мы вас скроем, упрячем в своем доме!

— За соответствующую плату! — визгливым недобрым голосом сообщает женщина, выкатившись, наконец, из кустов. — Деньги у вас есть?

Я машинально проверяю карманы.

Все деньги, что я — то есть, мать близнецов, — с собой взяла, уехали в сундучке. В карете с убийцей.

Которой я раздробила ляжку.

То есть, мать близнецов раздробила.

О господи, как справиться с бардаком в голове?!

— Черт! Что за черт! — ругаюсь я сочно, стараясь выплюнуть мучающие меня страх, оторопь, нерешительность и еще целую гамму противоречивых и пугающих чувств. — Что ж такое-то...

Мысли — мои и чьи-то чужие, — путаются в голове и создают хаос. Как будто две личности наскоро перемешиваются в большом котле.

— Так есть или нет? — назойливо настаивает женщина.

Она противная.

Похожа на мою мамашу.

Такие же глаза — словно скользкие присоски-щупальца осьминога.

И жадные руки.

— Есть! — резко отвечаю я.

К поясу моему привязан тощий потертый кошелек.

Там медяки для раздачи милостыни.

Немного, но все же.

Вот когда пожалеешь, что была к нищим недостаточно чутка и щедра!

— Вы из благородных? — замечает мужчина. — Одежда у вас больно хороша.

Я лишь киваю.

— Пять медяков стоит у нас хорошая комната, — сладеньким голосом вещает женщина, увидев, как я нащупала кошелек.

— Годится, — ответила я, дрожа от холода. — Теплая постель, горячая вода и ужин в придачу.

— Тогда семь! — оживилась женщина.

А мужчина просто поднял фонарь повыше и прогудел:

— Идемте.

Корзинку с воющим младенцами я тащила сама, хоть и тяжело было. Но отдать их мужчине, предложившему помощь, я не смогла.

Утешала их и баюкала, как будто им обязана своей жизнью.

А сама чувствовала себя так, будто только что выбралась из болота. Мокрая насквозь, тяжелая, холодная, но живая.

...На их крик выбралась.

Я на их крик пришла, потому что кричали они жалобно, прося тепа и пищи. И я не смогла отказать им.

Да что со мной происходит, господи?!

Чувствую, что схожу с ума, и сжимаю упрямо зубы, чтоб не закричать во все горло от страха.

Хорошо, ладно. Спокойно. Только спокойно.

Я попала в аварию.

И все вокруг мне снится.

Нет ничего реального. То все сон, травма мозга и бред.

А младенцы — некий якорь, держащий меня на поверхности. Не дающий сознанию раствориться и уйти прочь. Навсегда в небытие. Чувство ответственности, которое во мне всегда было сильно.

Я не потерялась во мраке смерти благодаря этим детям. Они звали мать, и я почему-то откликнулась.

Мысленно горячо благодарю их и готова каждого расцеловать.

Хорошо. Ладно. Я согласна играть в эти игры.

Я согласна заботиться о младенцах, пока меня не вернут обратно хорошим ударом дефибрилятора. Или чем там долбят отъезжающих к праотцам пациентов. Меня ведь вернут!?

Главное — не сойти с ума. Наверное, это главное?

Не знаю.

Корзинку с плачущими младенцами заматываю своим плащом. Чтоб им было тепло. Иду раздетая, трясясь на ветру. Платье на мне теплое, хорошее, дорожное. Из плотной ткани. Но все равно холодно.

— У тебя молоко пошло, — заметила женщина. — Платье на груди промокло.

— Скоро до вашего дома? — выдыхаю я злобно и устало.

— Еще пару теней, — сообщает мужчина ровно и безразлично.

Тащится за нами, волоча на плече вязанку хвороста. Фонарь отдал женщине.

Пару теней — десь минут по-местному. Это же целая вечность и пытка!

— Глупая ты мать, — ругается женщина неприятно, ворчливо. Как будто имеет на это право. — Где ж это видано, чтоб роженица себя не берегла? Зачем разделась? Хочешь застудиться? Заболеть и умереть? Куда тогда твои дети? Нужно сберечь себя прежде всего.

Привычно молчать не получается.

Эта авария словно вышибла пробку у меня изо рта. И теперь поток злословия и упрямства не остановить...

Скидка 25 % на книгу Светлая любовь Темного Лорда! Самая свежая завершенка!

<https://litnet.com/shrt/U3O->

Аннотация к книге "Светлая любовь Темного Лорда"

Я должна была выйти замуж.

Но жених бросил меня, предал, опозорил на весь город, и называет невестой другую.

И я принесла себя в жертву, согласилась стать избранной для странного ритуала Темных Господ, заменить собой младшую сестренку и спасти ее от этой участи.

Потому что сердце мое умерло.

Но и моя жертва была напрасна.

И мы обе, я и младшая сестра, должны быть брошены в темные холодные шахты, в самую стужу зимой.

Потому что по легенде тепло наших тел должно вернуть жизнь этой древней скале.

Мы своим присутствием должны оживить дом Темных господ.

Скидка 25% на книгу Жена на продажу, таверна на сдачу!

<https://litnet.com/shrt/a323>

Аннотация к книге "Жена на продажу, таверна на сдачу"

Умерев в своём мире, я попала в тело молодой женщины, муж которой продает ее на базаре за долги, словно корову!
Теперь я не отличница и не выпускница элитной кулинарной академии. Я бесправная нищенка. И цена мне два серебряных.
Меня выкупил хозяин зачавшей таверны себе в помощницы.
Муж бросил и уехал налаживать новую жизнь. Единственное, что я умею – это хорошо готовить. И мне придется хорошо потрудиться, чтобы выжить самой и выбраться из постыдного рабства.
А также найти свое место в этом странном мире. И, вероятно, свою любовь.

И теплом своих тел пробудить к жизни Темного Господина, отогреть его в постели и разбудить от многолетнего сна...

Сегодня прокат 50% на замечательную книгу "Ненужная жена. Рецепт любви"! 25%!

<https://litnet.com/shrt/sJbS>

Аннотация к книге "Ненужная жена. Рецепт любви"

Я умерла и попала в другое тело. Теперь я не безнадежная умирающая, а молодая женщина в средневековом городке.
Муж мой, красавец и щеголь, промотал мое приданое и

вздумал жениться на богатой красотке. А меня, больную, безжалостно выгнал на мороз, да еще и с ребенком на руках!

 Теперь я не верю ни в людей, ни в любовь. Никто мне не поможет. Рассчитывать я могу только на себя. И мне придется бороться и много работать, чтоб мы с малышкой выжили и нашли свое счастье.

 МОЖНО ПРИОБРЕСТИ ПЕЧАТНУЮ ВЕРСИЮ НА ОЗОНЕ И ВАЙЛДБЕРРИЗЕ!

Глава 5. Слезы

— Если я буду беречь себя, умрут дети, — стуча зубами, отвечаю я.

— Ха! — насмешливо воскликнула женщина, беспечно шагая вереди.

Поделиться со мной теплым платком она и не подумала.

— Велика беда. Еще родишь. В твоём положении даже лучше будет, если они умрут. Пара лишних ртов — это не то, что сейчас тебе нужно, в твоём-то положении.

— А какое мое положение? — злобно рычу я.

— Одна, — вкрадчиво ответила мне женщина, оборачиваясь ко мне. — Без мужа, без защиты. Беглянка без денег. Трудно тебе придется! Если заболеешь, и позаботиться о тебе некому.

Намекает, что безжалостно вытолкает меня на улицу, если я вдруг свалюсь в горячке.

— Я найду защиту, — огрызаюсь я. — За деньги это легко сделать!

Женщина снова хмыкает недоверчиво. В мои сказочные богатства она не верит.

И правильно делает.

Горсть медяков — вот и все мои деньги.

А я замолкаю, потому что мои мысли перескакивают на персону мужа.

На отца этих детей, точнее.

И мне снова пронзает болью грудь. Да так сильно, что я до крови закусываю губу, чтоб не закричать в голос.

Слезы капаят из моих глаз на грудь. Я мигаю часто-часто, потому что не вижу ничего перед собой.

Он ведь знал, что ребенок — близнецы, его дети! — должны вот-вот родиться.

И все равно отдал безжалостный приказ убить.

Нас всех. Меня и ребенка.

Наверное, я ему опостылела настолько, что он даже терпеть моего молчаливого присутствия с собой рядом не мог?

Дышу рваными рывками, пытаюсь успокоиться, а истерика все сильнее мной завладевает.

И ноша становится еще тяжелее и невыносимее.

Между нами смужем не было особой любви.

Были супружеские отношения, которые — как меня уверяла вся родня и с его, и с моей стороны, — основаны на глубоком уважении.

Порывшись в памяти, припоминаю этого человека во всех деталях.

Точнее, и не человека вовсе!

Фейергар Торгарн — потомственный высокородный дракон. Ой, мамочка...

Наверное, у меня окончательно крыша поехала. Но мысли хозяйки тела уверенно называют его драконом. Не человеком.

Да как это может быть?!

Я не понимала. Ладно, потом разберусь. Сейчас мучить мозг бесполезно.

Но мысли упрямо возвращались к Фейергару.

И я с упорством мазохиста снова и снова воскрешала в памяти его образ.

Отчего душа моя рвалась в кровоточащие ключья, а слезы текли рекой по измученному лицу.

Тот, кто должен был защищать и оберегать, хладнокровно велел убить все свое семейство. Из-за него я сейчас страдаю. Из-за него его дети вопят от холода и от голода!

А жена — я, — кажется, была страстно влюблена в своего статного, сильного, видного и властного мужа. Верила ему и считала его непогрешимым.

Почти божеством.

Только помалкивала об этом.

Фейергар высокий, черноволосый и красивый.

Форма генерала идет ему бесконечно. Она подчеркивала и его стать, и выправку, и силу, которой дышало его тело. Он очень сильный.

Рядом с ним его юная стеснительная жена — я, — чувствовала себя полной душой и унылым ничтожеством.

Когда он ухаживал за женой — за мной, — она — я, — сходила с ума от глупой радости. Из головы выбивало все мысли, я мучительно краснела, терялась и стыдливо опускала глаза. От его присутствия находил такой ступор, что и вымолвить слово было трудно.

Дура, да и только.

Более неподходящей партии для такого красавца, боевого генерала, и подобрать было трудно. Если б не хорошее происхождение, он бы и не женился... на такой.

Жена — я, — не умела и блистать в обществе.

Не была бойкой и смелой на язык. Не умела флиртовать и в центре внимания быть не хотела. Не притягивала восторженных взглядов.

Серенькое, невнятное существо.

Дамы откровенно смеялись над женой генерала. Но и смотрели на нее со злой завистью. Ведь генерал был безупречен.

Измены? Их не было.

Это знали все.

И тем более завидовали юной скромной жене Фея.

И все же, кажется, мягкотелость и наивность юной супруги генерала раздражала.

Иногда ему приходилось подолгу ждать от нее ответа. Даже наедине, когда стесняться некого.

Смотреть, как она бледнеет, краснеет, набирается смелости, чтоб выразить свою мысль и терпеть ее щенячий восторг по поводу разговора с ним...

«Все ясно, дорогуша, — мрачно подвела итог я. — Ты такая же балбеска, неудачница и мямля, как и я! Такой муж достался тебе! Как слепой курице — отборное зерно. И того не смогла удержать. Да что там удержать! Кажется, он даже не заинтересовался тобой. Несмотря на то, что заделал тебе детей. Неудивительно, что меня занесло в твоё несчастное тело! Никто и не заметит подмены...»

А ведь генерал стойко переносил робость супруги на людях и всячески проявлял знаки глубочайшего уважения и почтения.

Кланялся, подавал руку.

Вел себя так, будто он холоп, а женат как минимум на императрице.

И все окружающие тоже вынуждены были ей кланяться.

Потому что он был выше всех на голову. И если б кто-то осмелился не поклониться его жене, генерал просто убил бы его на дуэли.

Гм, гм, гм.

Кажется, нашему бравому генералу до колик надоело играть роль благородного рыцаря.

И он увлекся Милдред — красивой, острой и опасной девицей, пропахшей опасностью и войной насквозь.

«Что же ты, сильный и нестигаемый дракон, — думаю я, захлебываясь слезами. — Не вынес? Не смог? Сломался? Надоело быть безупречным и терпеливым? Лучше б и не брался! Потому что нет ничего больнее, чем разочарование в любимом, который казался безгрешным и лучше всех!»

Скидка 25% сегодня! <https://litnet.com/shrt/FDVU>

Аннотация к книге "Отвергнутая невеста. Хозяйка заброшенного дома"

Вот же угораздило попасть!
 Отец умер прямо в день моей свадьбы. Мачеха и сестры получают все, а я... Я бесправная нищенка. И приданого теперь у меня нет.
 Единственный шанс хорошо устроиться здесь – это выгодно выйти замуж.
 Но жених мой сбежал, отобрав помолвочное кольцо и... оставив на руках ребенка!
 Единственное, чем я теперь владею, это полуразрушенный старый дом. И слава у него дурная.
 Замерзну ли я, пропаду ли от голода, или сумею обустроиться и справиться со всеми бедами?
 А также найти свое место в этом странном мире. И, вероятно, свою любовь

Глава 6. Убежище

К дому мы подходим, когда мои моральные силы уже на пределе.

Я даже отталкиваю хозяйку, врываюсь в дом и стремлюсь к ярко пылающему очагу со своей корзинкой.

Тяну к огню озябшие руки. Замерзшие пальцы ломит так, что я стискиваю зубы, чтоб не застонать.

— Ну, куда ж ты детей-то!.. — ругается мужчина и отнимает у меня корзинку, которую я чуть ли не запихала в огонь. — Смотри, плащ подпалила! На твоём месте я б вещи берег. Когда ещё сможешь обзавестись новыми?

— Детей бы покормить, — сунулась женщина. — Эвон как они надрываются.

— Я... я не умею, — прошептала я.

— Ой, да и не хитра наука! Первые? — деловито осведомилась она. Я лишь кивнула.

У нее самой-то был целый выводок.

Пятеро крепких, невысоких и широких ребяташек, очень похожих на нее с мужем телосложением.

Они с грохотом, как камни, скатились по лестнице со второго этажа, заслышав, что отец и мать вернулись.

И теперь глазели на нас, будто я была диковинка какая-то.

— Ну, чего вытаращились? — прикрикнула на них мать. — Жанка! Живо ступай наверх, приготовь гостевую комнату. Разожги огонь в камине, да повесь котел, чтоб нагреть воды!

Жанна, верно, была самая старшая. Плотная, низкая, как кадушка девица лет тринадцати, темноглазая, толстогубая, нехотя скривилась.

— Живо, кому сказала, — зашипела на нее мать. — Будешь прислуживать госпоже. За то получишь пять медяков! Ну, поворачивайся, толстожопая!

Спровадив дочь, крестьянка накинулась на мужа.

— Олаф, осел! Ступай за водой! Сударыне нужно будет переменить белье и почистить платье!

Командуя, меня она усадила между делом в старое, порядком вытертое кресло у огня.

Помогла расстегнуть платье и приложила детей к груди.

— Вот так, держи голову-то! — командовала она, помогая мне правильно распределить руки и удерживать детей. — Ишь, оголодали...

Тела младенцев были тепленькие, тяжеленькие.

Ели они жадно, так, что я даже морщилась от боли.

— Крепкие, демоново отродье, — вернувшийся с водой муж крестьянки глянул в мой угол и покачал головой. — И сразу двое. Как с ними теперь?..

Я задумалась.

Времени, чтоб киснуть, предаваться отчаянию и плакать, у меня не было.

Нужно было устраиваться, и побыстрее.

Тут, как я поняла, никто не пожалеет и кормить задарма не станет.

Спасибо, что предоставили кров.

— Я, пожалуй, завтра же поищу работу, — пробормотала я, нащупав под теплой спинкой ребенка кошелек. — Есть тут поблизости дома, где требуются работницы?

— Рабочих рук всегда не хватает, — скептически оглядев меня, произнесла женщина. — Только что вы умеете, сударыня? Не очень-то вы крепкого телосложения. Тяжелую работу вряд ли потянете.

— Кое-что и я смогу, — туманно ответила я. Не признаваться же ей, что я в ужасе, в панике, и понятия не имею, чем заработать себе на кусок хлеба!

— Ну, а детей куда денешь? Хозяева не сильно-то любят, когда служанки отвлекаются на своих отпрысков и не работают.

— А с детьми... Если б вы были так великодушны и разрешили б вашей дочери за ними присматривать, я бы платила ей пару медных в день.

— Хм, а что, — мысль эта хозяйке понравилась. — Так и быть, я согласна! Жанка! — завопила она, задрав голову к потолку. — Готово там у тебя? Будешь слушаться госпожу — получишь пару медяшек! К весне купим тебе нарядную юбку и козу!

Жанна что-то прогудела нехотя сверху.

— Ну, идем, — хозяйка нетерпеливо помогла мне подняться, подхватила мою корзинку. — Посмотрите вашу комнату.

Ну, разумеется, комната была не дворец.

Обычная комната в крестьянском добротном доме. Квадратная, довольно просторная. На одной из стен окно.

Напротив него камин.

Жанна развела в нем огонь, и в комнате становилось все теплее. Над огнем девушка подвесила котел, в котором грелась вода для меня.

Тут же было ведро с холодной водой.

Для умывания должно хватить...

Рядом с камином, чуть ли не прижавшись к нему боком, стояла кровать — деревянный высокий, как шкаф, сундук на ножках.

Жанна раскрыла его резные дверцы, чтоб жар наполнил постельное белье.

Рядом с кроватью был простой стол, грубо сколоченный стул. На столе умывальные приборы. Вот и вся обстановка.

— Ну, располагайтесь! — прошептала хозяйка. Получив от меня семь медяков, она сделала очень довольной. — Ужин будет чуть позже!

И она отправилась на кухню, готовить.

Я же поспешила уложить насытившихся детей в нагретую постель и укутала их одеялом.

Сама избавилась от испачканной, окровавленной одежды.

Кое-как в ведре застирала испачканное белье. Почистила платье так, что кровавые пятна стали не видны.

Заматавшись в плащ, я развесила свои вещи сохнуть на каминной решетке и без сил опустилась в кресло.

Сил не было совершенно.

Нехитрые мои занятия утомили меня так, что я еле дышала, лежа в кресле.

Взгляд мой уперся в стену, и на ней я с удивлением увидела ранее незамеченный предмет — зеркало.

Старое, большое, пыльное.

Такое пыльное, что почти слилось с серой стеной.

А в нем отражалась — нет, не новая и больная я, измученная и замершая в кресле.

С ужасом увидела я в зеркале больничную палату. Кажется, даже услышала писк медицинских приборов.

А из мути старого зеркала на меня тревожно и преданно уставились два лица — матери и брата!

Глава 7. Покинутый мир

Клянусь, я не закричала только потому, что от изумления меня словно парализовало!
Я не могла и рукой двинуть.

По спине моей бежал холодок, а я чувствовала, что мою руку наглаживают крепкие, горячие, грубоватые пальцы матери!

От этого призрачного касания мне показалось, что кровь моя закипает.

Стало вдруг душно, жарко. Тело налилось пульсирующей болью. И я поняла, что это последствия аварии так сказываются.

А я ни пошевелиться не могу, ни отнять свою руку!

От злости я даже зарычала!

Но не смогла и пальцем пошевелить!

Похоже, дело серьезное, сообразила я. Сломана рука? Спина? Шея?! Все сразу?

Отчего-то я не владела собственным телом, и это очень пугало.

Я что, буду калекой? Овощем?!

«Да нет же. Каким овощем, — тут же одернула я себя. — Я мыслю. Всех узнаю. Значит, ума не лишилась! Значит, шанс на восстановление есть! Ну, есть же?!»

А мать, которая и пристроила меня под машину, сидела с ровной гордо выпрямленной спиной на больничном ободранном стуле. Гладила меня по руке с самым скорбным видом.

— Водитель утверждает, что вы вытолкнули дочь на проезжую часть, — услышала я чей-то незнакомый голос.

Взгляд перевела на говорящего с трудом.

Это был молодой полицейский, в новой форме, с аккуратной кожаной папочкой подмышкой.

Но по его взгляду я поняла, что он вцепился в мать нешуточно.

Ее трагическому виду он не доверяет ни на миг.

И мне захотелось с теплом ему руку пожать. Надо ж... чужой человек, а за меня борется!

— Что вы такое говорите! — в один голос воскликнули мать и брат с деланным негодованием.

— Это моя дочь! — сухо поджав губы, выговорила мать. — Мой ребенок! По-вашему, я могла так поступить с собственной дочерью?!

Ее пальцы делали мне больно.

Мать напряглась, нахохлилась, как сова. Речь шла о ее свободе. И она сосредоточилась на диалоге с полицейским, не замечая, что тискает и мнет мою переломанную руку.

— Так утверждает шофер, — заметил зловредный полицейский.

Мать фыркнула.

— Он скажет что угодно, чтобы выгородить себя! — трагичным голосом выкрикнула мать. — Он же совершил наезд на человека! Кровиночку мою, — она притворно всхлипнула, — уби-и-ил...

— Ну, не убил, — возразил полицейский. — Но его показания подтверждают свидетели. Они говорят, что вы вытолкнули девушку на проезжую часть. Столкнули ее под колеса.

Мать оскалилась

— Куплены! — выкрикнула она. — Что там могли видеть эти свидетели?! Они там были?!

— Если б Яна могла говорить, — вступился брат, — она бы подтвердила, что это оговор! Ага. Подтвердила б.

Интересно, как бы ты заставил меня это сделать? Выламывая мне пальцы?

— То-то и оно, что главный свидетель ничего сказать не может. И это вам на руку, э?

— Толкнула под машину! — мать картинно схватила за грудь. — Что вы говорите-то такое. Теперь нам ее лечить. Деньжищи-то какие за это лечение отдать! И где их взять? Думаете, я сама себе, добровольно, организовала такую ношу?!

Да, мамочка, это явно прокол с твоей стороны. Лечить меня ты не собиралась. Тратиться мне на таблеточки не в твоих привычках.

Она убрала свои пальцы с моей руки, и это вызвало у меня невероятное облегчение.

Жар отступил. Силы перестали утекать так стремительно.

Я шевельнула пальцем. Ура! Пальцы шевелятся — значит, шея цела! Ну, хотя б частично. Если руки будут подвижны, это уже много значит!

— Давайте закончим этот цирк, — поправив на породистом носу тонкую золотистую оправу очков, устало произнес брат. — У нас дела. Нам еще переезд готовить.

— Подождут ваши дела, — желчно ответил полицейский. — У вас сестра при смерти, а вы о пожитках думаете.

Переезжать?

Куда это ты собрался переезжать?!

Не в мою ли облюбованную квартиру?!

Неприятный холодок отчаяния, беспомощности и злости снова пробежал по моей спине.

— Вы слышали, что хотели? Сестра поскользнулась. Несла тяжелые продукты и оступилась. Мама, наоборот, хотела ее втащить на тротуар. Ваши свидетели были слишком далеко, чтобы что-то разглядеть. Я найму хорошего адвоката, и ваше обвинение рассыплется как карточный домик.

— Не рассыплется...

Я не знаю, как умудрилась открыть рот и произнести эти слова.

Но дались они мне с болью.

Я вздохнула. В груди моей захрипело. Ребра пульсировали болью при каждом вздохе.

Три изумленных лица обернулись в мою сторону.

И мне на миг показалось, что я лежу на больничной койке, и вокруг пахнет лекарствами.

Первой от ступора отошла мать.

— В себя пришла! — воскликнула она. — И бредит! Девочка бедная моя!

Она зарыдала и попыталась припасть мне на грудь.

Но полицейский вовремя ее ухватил за плечи и оттащил.

— Не надо тут сцен! — прорычал он. — Вы ее прикончите своими лобызаниями.

— Это моя дочь! — слезно вопила мать. — Я хочу побыть с ней в ее последние минуты! Хочу слышать ее последние слова!

— Горячечный бред, — сквозь сжатые зубы выдохнул брат.

— Черта с два я брежу, — выплюнула я злорадно.

Полицейский их отстранил.

Склонился надо мной.

— Яна Владиславовна, — позвал он меня. — Вы слышите? Вы узнаете этих людей?

Я облизнула сухие горячие губы.

— Конечно. Это мои мать и брат.

— Вы помните, что там произошло? На дороге?

— Она не в том состоянии, чтоб давать показания! — тревожно выкрикнул брат, не выдержав. — Вы же должны понимать, что она бредит! У нее сотрясение, не в порядке с головой! Она недееспособна!

— Ты, что ли, мне диагноз поставил, — огрызнулась я.

Язык еле ворочался, но соображала я шустро.

В голове было ясно как никогда.

Я понимала, что мать полицейский сейчас уведет.

А братишку?

Очкарик не упустит момента, въедет в облюбованную хатку. Даже если матушку упекут на нары. Да так ему даже лучше будет. Так он будет единоличным хозяином трех квартир и всего добра.

Не понимаю, зачем он строит из себя примерного сына и вступает за мать?..

Ну, уж нет. Я ему этого не позволю!

— Мы поссорились, — как можно отчетливее произнесла я. — С матерью мы ссорились.

— Из-за чего? — осторожно спросил полицейский.

— Они хотели квартиру мою отнять, — ответила я через силу.

— Да я же говорю — бредит! — взорвался брат. — К чему мне ее квартира?! У меня свой дом есть!

— А она не сказала, что квартира предназначалась вам, — желчно заметил въедливый полицейский. — Значит, факт сговора был? Для вас мать постаралась?

И брат закрылся.

Я лишь еле двинула подбородком.

— Ему, ему, — прошептала я. — Меня хотели отправить сиделкой... к какой-то бабке... горшки выносить. А жилье мое хотели присвоить. Я отказалась.

Полицейский разогнул спину.

Оглядел притихших родственничков суровым взглядом.

— Ну, вот и мотивчик нарисовался, — сказал он, застегивая свою понтовую папку. — Пройдемте, гражданка... мать.

И он осторожно, но цепко взял ее под локоток.

— Оговор, бред! — заверещала она, крутя рукой и стараясь освободиться.

Но из цепких пальцев полицейского не так-то просто было вырваться.

— Я бы попросил!.. — сверкая очками, вскричал Олег.

— В отделении попросишь, — неуважительно произнес полицейский.

— Лейтенант, — окликнула я его.

Этот вскрик дался мне с трудом.

Я закашлялась от скрипящей боли в груди. Из глаз моих брызнули слезы.

Полицейский обернулся.

— Опечатайте... квартиру мою, — произнесла я, уже не скрывая своей истерики. — Чтобы они не пролезли... Чтоб им не досталась! Даже если я умру!

Тот кивнул с самым серьезным видом.

— Опечатаю так, что мышь не проскользнет, — пообещал он. — Эй, позовите врача! Пациентка в себя пришла!

Но сознание от боли помутилось.

Слезы застилали глаза.

Надо мной склонялись какие-то лица, но черт я различить не могла.

Кто-то о чем-то меня спрашивал, но я лишь плакала.

Да и сознание уплывало прочь быстро.

Так скоро, что я и заметит не успела, как снова очутилась в серой комнатухе с жарко натопленным камином.

В кресле, перед пыльным зеркалом.

Почудилось?..

— Эй! — взвыла я, подскочив и бросившись к зеркалу. — Верните меня обратно! Заберите меня отсюда! Сделайте что-нибудь! Я здесь! Здесь застряла!

Я колотила ладонями зеркало, захлебываясь в рыданиях, но там больше не отражался покинутый мной мир.

И я снова подумала — а не приснилось ли мне это?

«Нет, не приснилось, — мстительно подумала я. — Не приснилось! Ничего; я выздоровею. Обязательно. И вернусь туда! А у братца была та еще рожа! Что, съел? Ничего не достанется тебе!»

Дверь открылась и вошла хозяйка дома.

В руках ее был поднос, на нем — миска с горячим супом, ложка и пара ломтей хлеба.

— Ну, ну, — произнесла она. — Конечно, жизнь иногда сильно бьет. Но зачем же так кричать и убиваться?

Глава 8. Первые траты

Выспаться мне, конечно, не удалось.

Дети просыпались и требовали пищи. Несколько раз меняла им пеленки — пришлось на это пустить одну из своих нижних юбок.

Так что проснулась я весьма потрепанной жизнью. И мое твердое желание бежать устраниваться на работу испарилось.

Первым делом я решила подсчитать свои богатства.

Все.

И в кошельке, и на себе — потому что драгоценности тоже имелись, оказывается.

Платье мое отстиралось неплохо. Я еще почистила его, и оно стало как новенькое. Материал-то хороший, крепкий. Темный.

Белье тоже удалось привести в порядок. О кипенной белизне речи не шло, но все же оно было чистым, свежим и хорошенько просушенным у огня.

Промокшие в болоте ботинке всю ночь простояли у каминной решетки. Так что сегодня были немного жестковаты, но в целом сухие.

В дорогу я не взяла с собой вычурные колье и кольца. Но в ушах моих были сережки из серебра, с бриллиантами. А на шее, на тонкой цепочке, подвеска из этого же гарнитура.

Их можно продать в первую очередь.

Потом деньги.

Я насчитала триста одиннадцать медяков. Довольно солидно. По семь медных в день... Это больше месяца можно просто отдыхать, приходить в себя, если жить скромно.

И последнее, но самое дорогое мое сокровище — обручальное кольцо из золота.

Оно было тяжелое, массивное, масляно блестело на руке, приковывая внимание.

По ободку змеилась выгравированная надпись: «Храню тебя от всех невзгод». Такие надписи обычно делают влюбленные для любимых. Романтично.

Гхм.

Только я-то не та, для кого это кольцо было предназначено.

Да и в эти возвышенные слова я не верила.

И по утраченному мужу тосковать не собиралась. Все мысли и все отчаяние, с ним связанные, куда-то испарились за ночь. Я не страдала по этому мужчине, и не любила его. Потому что даже ни разу не виделась с ним. А хозяйка тела покинула меня безвозвратно, оставив саму разбираться с ее миром, с ее детьми и с мужем.

Значит, мужа можно уверенно отминусовать!

Повертев кольцо так и этак, я почему-то не осмелилась его снять.

Именно не осмелилась. Как будто обещание хранить, выгравированное на металле, что-то могло значить.

Ладно. Его продам в последнюю очередь. Когда сильно прижмет. Да и вообще — я вдруг вспомнила о видении в зеркале, — меня ведь могут вернуть! Да я почти вернулась в свое собственное тело! Наверное, повреждения велики, и меня вышвырнуло обратно, в этот странный мир с драконами.

Но ведь меня лечат!

Значит, вытащат отсюда. Может, уже через неделю!

Значит, можно немного подождать...

Пока — так.

С такими мыслями я перепеленала детей, укачала их и спустилась вниз, к хлопочущей хозяйке.

Та уже готовила завтрак. В огромной сковороде ее жарились сосиски, в котле булькал наваристый жирный суп.

— С вас семь медяшек, — радостно оповестила она.

— День только начался, — заметила я недовольно.

— Так что же? — пожала она плечами. — Есть-то вы будете прямо сейчас!

Я снова вздохнула, отсчитывая медяшки.

И в этом мире мной командуют! А я подчиняюсь, вдруг сообразила я.

Кто-нибудь другой прищипнул бы на хозяйку. Высокомерно ответил бы, что деньги свои она получит к вечеру — и то если все устроит. И если все услуги будут оказаны вовремя.

А я подчинилась...

Пора бы выходить из ниши удобства.

— Несите тогда перо и чернила, — сказала я, игнорируя протянутую за монетами руку.

— Это еще зачем? — наморщила лоб женщина.

— Вы напишете расписку, что получили у меня деньги за ваши услуги.

— Зачем? — так же тупо повторила женщина.

Я тяжело вздохнула. Если она не захочет, то ничего писать не станет.

А я, намаявшись с куплей квартиры, усвоила урок четко: на каждый шаг нужна бумажка, подтверждающая твою правоту.

Так что мне пришлось схитрить немного.

— Считать, — ответила я. — Вдруг вы забудете взять с меня плату. Или я скажу, что вы взяли. Муж ваш взял. А это не так. А по расписке все будет ясно.

— А! — вскричала хозяйка, увидев свою выгоду. — Конечно, давай!

Писала она хуже, чем болтала языком.

Коряво и с ошибками.

Но поправлять я не стала. Пусть будет видно, что она сама это писала.

Кое-как она выписала мне две расписки.

За вчерашнее число и за сегодняшнее. Это занятие ее так утомило, что она даже не удивилась, что оба документа я забрала себе. А перед ней положила столбик из монет.

— Держите, — сказала я. — Жду свой завтрак через три тени.

— Будет готово — принесу, — ответила довольная хозяйка, пряча деньги в карман. — Вам надо б побыстрее поест и отправиться в город, искать работу!

— Вероятно, не сегодня, — небрежно ответила я.

Хозяйка на меня покосилась.

— Вот как? — произнесла она с нажимом. — А платить чем за жизнь будете?

— Деньгами, — ответила я.

— Их у тебя немного, — заметила хозяйка. — А я в долг вас кормить не стану!

— Это не твоя забота, сколько их у меня, — повысила голос я. — Вот как не станет денег, тогда будешь переживать. А пока...

— Их не станет очень быстро, — беспечно ответила хозяйка, разливая суп по тарелкам. — К тому же, тебе ведь теперь надо и на малышей магию покупать, не так ли?

— Магию?! — мои руки, взявшие предложенную мне тарелку, дрогнули. Я чуть не расплескала жирный суп.

— Ну, об этом ты не подумала? — усмехнулась хозяйка. — Что взять с первородки! Конечно, магию. Иначе они не вырастут. Или чего хуже — вырастут увечными!

— О, небеса! — прошептала я в ужасе.

Об этом-то я совершенно забыла!

И теперь пыталась лихорадочно отыскать в памяти какую-нибудь информацию об этом странном ритуале.

Только толком ничего не вспоминалось.

Всю жизнь хозяйке тела приносили эту магию на блюдечке. Точнее, в красивом малахитовом флаконе.

Он и сейчас при мне; в кармане болтается.

И я не принимала магию ни вчера, ни сегодня...

И дети, разумеется, тоже!

— А твоим детям, небось, — продолжала беспечно хозяйка, — нужна самая лучшая магия, э? Вы ведь не из простых. И стоять она будет не семь медяков!

— Да, — как можно небрежнее ответила я. — Но и об этом тебе не стоит беспокоиться. Это моя забота.

— Твоя, так твоя, — пожала плечами хозяйка и вернулась к своему занятию.

А я пулей влетела наверх, к детям!

Со своей тарелкой супа.

— Ой-ой, — шептала я, дрожащими руками отыскивая в складках платья флакон с магией. — Ой-ой-ой!

Каждому я капнула по капле на губы.

И близнецы зачмокали, съедая магию охотнее, чем молоко.

А я с перепуга и есть не могла.

Магия, магия...

Это все меняет!

Оказывается, некогда мне расслаживаться и спокойно жить!

Сколько может стоять магия для благородных драконов?

Уж не триста медяшек!

А морить малышей голодом, отказывать им в магии я точно не могу!

— Значит, в город сходить придется, — заметила я, немного успокоившись и придвинув к себе суп.

Глава 9. Покупки

Что ж, пришлось засунуть подальше свое уверенное высокомерие, надеть свой плащ и идти в город.

Нужно срочно купить магии для близнецов!

Много она может стоить?!

Эх, отчего хозяйка тела была так беспечна и не интересовалась такими вещами! Все доверила решать мужу! А сама только принимала дары!

Интересно, зачем людям магия?

Ну, близнецам понятно — расти и поддерживать в себе драконью сущность.

А мне?

Я тоже приняла полагающуюся каплю магии, но ничего не почувствовала.

Для чего я раньше ее принимала? То есть, хозяйка тела?

Кажется, магия позволяла свершать самые потаенные, самые глубинные желания.

Чего хотела та, что ушла?

Кажется, каждый раз, принимая магию, она повторяла, как заклятье: «Желаю быть хорошей женой! Такой, какую Фейергар заслуживает!».

И только.

А я бы сейчас не отказалась от удачи. Быть хорошей женой не хотелось.

Перед тем, как уйти, я выловила толстую девчонку, которую хозяйка обещала мне в помощь, и показала ей пару медяков.

— Это будет твое, — сказала я, — если ты посидишь с моими детьми и покачаешь их, чтобы они не плакали. Мне в город нужно. Далеко он?

— Через дорогу, — буркнула девчонка, глядя на меня исподлобья.

— Я их покормила, они не должны проснуться. Если испачкают свои пеленки, прополощешь их в теплой воде и повесишь сушиться.

Девчонка наморщила нос.

— Не слишком ли много хотите за пару медяков? — проворчала она.

— Много?! — возмутилась я. — Суп твоей матери стоит столько. Да горячая вода в придачу, и смена белья. И она не считает, что этого мало.

— Я считаю, — буркнула девчонка.

Я пожала плечами.

— Что ж, как хочешь. Тогда я попрошу об этой услуге твою сестру помладше. Эй, малышка! Хочешь пару медных заработать? — окликнула я девочку помладше.

Та была слишком мала, чтоб управиться с детьми, но жадная толстуха этого не сообразила.

— Нет, нет! — закричала она, даже подпрыгнув. — Мне, мне! Я стану следить за твоими детьми!

— Вот и чудно.

— Деньги давай! — потребовала она, протягивая руку.

— Не так быстро, красотка, — усмехнулась я. — Получишь, когда вернусь. И то если все будет исполнено в точности.

Девчонка скисла, но подчинилась.

А я отправилась в город.

Дом, в котором меня приютили, стоял немного на отшибе, на краю леса и болота.

Это был добротный дом зажиточных крестьян. Верно, они пасли овец на опушке леса и в полях, расстилающихся о самого горизонта.

Построен дом из какого-то гладкого, округлого, коричневого камня, похожего на пряники. Черепица от осенней влаги блестела, как шоколадная. Стекла в окнах блестели, как леденцы. Ни дать, ни взять — пряничный домик!

А через дорогу виднелись вывески лавок и дома горожан.

Там кипела жизнь!

«Что ж, — набравшись смелости, подумала я. — Городок, кажется, бойкий. Должна найтись тут работа для меня!»

Перво-наперво я отыскала лавку ювелира.

С подвеской и цепочкой решено было расстаться в первую очередь.

Камень был очень хорош. Оправа серебряная немного почернела, но эта чернота придавала украшению вид благородный, винтажный. И камень сверкал еще ярче.

Ювелир долго рассматривал вещицу в лупу, вертел камешек так и этак.

Потом бросил быстрый взгляд на меня.

— Дорогая вещица, — заметил он. — Скорее всего фамильная.

— Так и есть, — подтвердила я сдержанно. Отпираться было бессмысленно.

— А! Вижу, и сережки такие имеются. М-да... Целый гарнитур. И смотрится неплохо. Не жаль расставаться?

— Когда речь идет о выживании, бриллиантов становится не жаль. Питаться ими невозможно.

— Так может, — осторожно спросил ювелир, — я могу чем-то помочь? Дать знать вашим родным?..

— У меня тут никого нет, — резко перебила его я.

Этого еще не хватало!

Дать знать родным?!

Чтобы они вернули меня мужу, а тот завершил начатое?!

— Я одна, — повторила я. — И единственное, чем вы можете мне помочь — это дать честную цену за эту вещицу.

Ювелир вздохнул.

— С превеликим удовольствием, — ответил он. — Камень большой, в половину ногтя, редкой чистоты, и огранен хорошо.

И он выложил передо мной десять золотых!

— Даю меньше его стоимости, — признался ювелир. — Деньги вам нужны, и вы их проживете. Но если захотите его вернуть, то и собрать нужную сумму будет легче. Я приберегу его для вас.

— Что ж, — сказала я, принимая золото. — Спасибо. А не подскажете, где тут у вас лавка... с магией?

— О, вам магия нужна? — уточнил ювелир. — Самого лучшего качества, полагаю? Тогда могу преподнести вам небольшой подарок. Флакон для магии!

— Боюсь, одного будет маловато, — заметила я. — У меня пара новорожденных сыновей.

— О, двойня? — ювелир шустро пробежался взглядом по полкам. — Тогда вот...

Он отыскал пару прелестных крохотных кулонов из серебристого металла. Передняя стенка их была выполнена из зеленого прозрачного камня.

Ну, точно, как глаз драконий...

— Все, что могу, — сказал ювелир, вручая мне эти кулоны. — В счет вашего прекрасного бриллианта. Лавка с магией по улице выше, вы увидите там вывеску.

Окрыленная первой удачей, ощущая себя богачкой, я вышла на улицу.

Ну, теперь-то можно вздохнуть свободнее!

Может, и дом сейчас прикупить?!

В самом деле, зачем мне жить в чужом доме, если может быть свой? Найму прислугу, буду работать...

Только вот кем? Что я могу предложить городу?

В этих раздумьях я посетила ее пару лавок.

Перво-наперво сходила к молочнику, купила у него пару бутылочек с козьим молоком. Если я работать пойду, то детей-то кормить придется кому-то другому.

Затем зашла в лавку с тканями. Пары пеленок и моей изорванной юбки явно маловато для младенцев. Надо б еще пошить им одежды...

Ну, и еда.

Ох, как не хотелось зависеть от ворчливой хозяйки!

Я купила себе немного муки, сливочного жирного желтого масла, сахара, чтоб испечь свежий хлеб.

Колечко колбаски, чтоб полакомиться перед сном. Кусок пахучего желтого ноздреватого сыра — очень полезно кормящим матерям!

Я бы потратила и еще, но тут на моем пути встала лавка магии.

И я зашла в нее с самыми радужными и счастливыми мечтами.

...Которым было суждено разбиться об цены на магию!

Радость моя тотчас поухля!

— Мне бы магии, — обратилась я к лавочнику, протягивая ему пару подаренных кулонов и свой в придачу.

Лавочник смерил меня оценивающим взглядом.

— Какую именно изволите? — уточнил он. — Та, что за крестьян, вам не годится?

— Думаю, что нет, — покачала я головой. — Мои дети... они драконы.

— О! — вскричал в сильном волнении лавочник. — Это самый высший сорт магии! На какой вам период? На месяц? На два?

— Пожалуй, на месяц, — в замешательстве ответила я.

— Вам тоже, я так понимаю, нужно пополнить запас?

— Да, да, — уже не так уверенно произнесла я.

— По тридцать капель на каждого, — подсчитал лавочник на старых костяных счетах.

— По десять серебряных за десять капель. Итого по три золотых на каждого.

— Девять?! — изумленно воскликнула я, холодея.

Лавочник кивнул головой.

Торговаться, как я понимаю, было бесполезно. И я молча расплатилась, обмирая то ужаса.

Девять золотых!

И это только на один месяц!

И только на магию, без которой мы не протянем долго, даже если будем питаться одним только мясом!

А еще нужно покупать одежду, обувь. Еду; игрушки детям — да мало ли, что еще понадобится?!

У меня остались мои триста медяков и серебро — я же разменяла золотой на покупки. Это были большие деньги. Но на них мне не прожить с детьми...

На что там я бездумно тратила свою магию?! «Желаю быть хорошей женой»?!

Вот дура! Лучше б я умела превращать в бриллианты сахар и муку!

Пока лавочник отмерял точное количество магии, я лихорадочно соображала, куда ж мне идти устроиться на работу.

Черт!

Минимум десяток золотых я должна зарабатывать в месяц, чтобы мы не погибли!

Вот это новость!

Да кем же мне устроиться?! Это огромные деньги! О, господи!

Я не помнила, как забрала магию.

Не помнила, как вышла на улицу.

Как мне было страшно!

Я вдруг поняла, что я обречена. С самого начала. Потому за мной и не гнались. Все равно умру.

Я сжала зубы, чтоб не разреветься.

«Нет, не будет этого! — твердо решила я. — У меня есть время, чтоб что-то придумать. Еще сережки... еще кольцо... Я обязательно что-нибудь придумаю! Я смогу! Да меня вытащат отсюда, из этого мира! А дети?»

Тут я здорово призадумалась.

А что станет с детьми?

«Вероятно, хозяйка тела вернется? — не очень уверено подумала я. И тут же: — А если нет?! Если я уйду, и пустая оболочка просто умрет?! Кто позаботится о детях?!»

Думать об этом было трудно.

Но и на этот вопрос я нашла ответ.

«Напишу письмо, прикреплю к их одежде на крайний случай, — решила я. — Напишу, кто их отец. Пообещаю вознаграждение. Та же крестьянка со своей жадной дочкой вприпрыжку помчится возвращать драконят отцу. Ну, не зверь же он! Не убьет же он их?! Он ведь им отец! Но, конечно, лучше б мне устроиться хорошенько в этом мире, и чтоб мать их вернулась и смогла позаботиться о них!»

Глава 10. Ужин на двоих

Дома меня встретила недовольная Жанна, сопящие близнецы и тишина.

— Они слишком часто пачкают пеленки! — выпалила Жанна, забирая предложенные ей медяки.

— Если тебе тяжело, — огрызнулась я, — я могу позвать твою сестру. Я же говорила. Тебе стоит только сказать.

Настроение было ни к черту.

Еще и моя нерадивая нянька лезет под горячую руку!

— Я нанимаю тебя за деньги, а не ты делаешь мне одолжение, — так же резко продолжила я. — И не желаю слышать твоего нытья. И не потерплю его, ясно? Еще одно слово — и я отыщу себе другого помощника. Без предупреждений и без возможности прощения. Поняла?

— Поняла, — буркнула Жанна, пряча медяки. — То-то матушка говори, что все благородные те еще кровопийцы...

— Что?!

— Ничего, — снова буркнула девчонка.

— Где твоя мать? — спросила я.

Тут девчонка несколько повеселела.

— Она с отцом и с братьями-сестрами поехали к куме, — бойко ответила девчонка, — помогать им репу копать.

— А тебя, стало быть, оставили?

Девчонка кивнула.

— И чем же ты недовольна? Вместо того, чтобы работать, сидела в теплой комнатке! Жанна на это замечание не ответила.

Только нос повыше задрала.

С двумя медяками она чувствовала себя невероятной богачкой, а таким негоже было даже разговаривать с нищенками вроде меня.

— Та-ак, — протянула я. — Значит, деньги твоя мать с меня содрала, а ужина мне не будет?

— Можете сами приготовить, — через губу прогундела девчонка. — Матушка сказала — если руки есть, то с голоду не помрете!

— Да что ты говоришь! — усмехнулась я. — Получить деньги и не выполнить своих обязанностей — это не очень-то честно.

— Она занята, она репу дергает.

— Наливку сладкую она пьет! — огрызнулась я. — Раз так, то завтра получит свои деньги вечером. И на пару медяков меньше.

— Вы же есть нашу еду будете! — ахнула Жанна. — Как это меньше?!

Вместо ответа я ей продемонстрировала купленные мной бумажный куль муки, яйца, колбасу, зелень, горшочек с маслом, и она прикусила язык.

— Кто хитрит, тот свои денежки теряет! — произнесла я поучительно.

Жанне эта мысль не понравилась.

Видно, мать учила ее жить хитря. И выпарапывая выгоду нечестным путем. Только так. Так что для Жанны мое утверждение было просто крахом всей ее жизненной стратегии.

— Нет! — сердито крикнула она, даже топнув ногой.

— О, да, — ответила я, посмеиваясь. — Да!

Младенцев я накормила грудью.

Козье молоко в бутылочках выставила в холодный угол, на подоконник.

Покуда всем этим занималась, немного пришла в себя. Мысли перестали испуганно метаться.

Прикидывая и так, и этак, чем бы мне начать зарабатывать на жизнь, я спустилась на первый этаж, прошла в темную кухню.

Здесь порядком простыло, было прохладно и тихо.

И я с удовольствием расчистила печь, вымела прогоревшую золу и угли, развела огонь.

Пламя затанцевало в печи, осветило пространство.

Стало теплее, и я еще больше успокоилась. Отдышалась хотя б. А то сердце просто разрывало мне грудь.

Ну, что ж...

Этот мир принял меня суровее и неласковее, чем тот, который я покинула.

Будем привыкать.

Захотелось съесть чего-то знакомого, домашнего.

Колбаса и сыр здорово подкрепят меня, а вот побаловать себя я захотела круассанами.

Сложное нежное слоеное тесто, необычная форма...

Я обожала такое, чуть зарумянившееся, горячее и пропитанное маслом.

Всегда пробовала чуть не пропеченный круассан, чтобы ощутить мягкую сливочную нежность теста.

В свете пылающего в печи огня я отыскивала нужные мне миски.

Нагрела немного молока. Из горшочка ложкой вырезала кусок жирного, блестящего сливочного мала.

В молоко сыпанула пару ложек сахара, перемешала как следует, и добавила дрожжи. Поставила опару в теплое место у печи, накрыв чистым полотенцем.

В закромах хозяйки отыскивала противень, скалку и сито.

Подготовила стол, убрав все лишнее и хорошенько отмыв его.

Для этого пришлось притащить ведро воды из колодца во дворе.

Довольно тяжелое занятие. Ну, да что ж делать.

Опара как раз подошла.

Я чуть присолила ее, добавила муки, перемешала хорошенько, заведя тесто.

Оно получилось белое, ровное, гладкое.

Снова накрыв миску полотенцем, я отправила его в тепло на час — дозревать.

Пока подходила опара, я раздобыла сковороду и на ней, на сливочном масле, немного обжарила колбасу, нарезав ее аккуратным кружочками.

Сверху присыпала сыром, который тотчас поплавился и тоже зашкворчал жиром.

Туда же я разбила пару яиц. Нарезала остро пахнущего укропа, посыпала им глазунью и чуть присолила.

Получилось очень красиво и аппетитно.

Несмотря на обиду, Жанна тоже на кухню прибежала.

И уселась с ложкой за стол, гулко сглатывая набегающую слюну.

Вот хитрая!

Пока я таскала воду, она где-то пряталась, чтоб мне не помогать.

А стоило запахнуть ужину, как она тут как тут!

— Что?! — удивилась я. — Тебе ничего не оставили?

— Оставили, — бесхитростно ответила Жанна. — Миску каши и ломоть хлеба. Но я все съела. А матушка говорит, что мне есть надо меньше, не то я скоро их сожру. Но это неправда. Ты ведь со мной поделишься? Матушка сказала — обо мне ты должна позаботиться.

Как быстро она перешла с уважительного «вы» на панибратское «ты»!

Словно я была низведена до уровня прислуги, которую оставили присматривать за прожорливой хозяйской дочерью!

Похоже, ее мамаша и правда думала, что я буду кормить ее дочку...

А полы вам тут не помыть?

— Даже не знаю, — задумчиво ответила я, разглядывая ее красногубую, щекастую физиономию. — Я на тебя не рассчитывала. И кормить тебя не обязана. Хорошенькое дело — плати за квартиру и за стол, не получи ужина, да еще и корми местных ребятишек! А если б я с собой ничего не принесла?

— Ты бы себе-то варила из крупы матушки, — деловито ответила Жанна, сжимая пухлыми пальцами ложку. — Так что я б у тебя все равно взяла половину.

— Но я варю из своих продуктов, — заметила я, снимая сковороду с огня. — Так что тебе не на что тут рассчитывать.

Выглядело мое незатейливое блюдо замечательно, и пахло вкусно.

Но пара яиц — это действительно порция только для меня.

Жанна проводила сковороду грустным взглядом.

— Ой, да ладно! — прокричала она, яростно бросив свою большую ложку. — Нельзя быть такой жадной!

— Наверное, нельзя, — ответила я, устраиваясь поужинать. — Но я хочу есть. Обо мне никто не позаботится, кроме меня самой. Так что если что-то останется, я, может, отдам это тебе...

Жанна злобно сопела.

Глава 11. Из сахара и масла

— Я не хочу остатки! — выдохнула она зло. — Я хочу половину!

— Вообще, ты довольно взрослая, — заметила я. — Тебе сколько лет?

— Четырнадцать, — буркнула Жанна.

— О, так ты совсем уже не ребенок!

— Ребенок!

— Могла бы сама приготовить себе ужин!

— Матушка сказала — это сделаешь ты!

— Твоя матушка ошиблась. Вон, в подполе есть ящик с картофелем. Полезай, набери, да отвари себе.

— Не хочу! — зло выплюнула Жанна.

— Почему?

— Чтоб отварить картофеля, нужно принести ведро воды! А это тяжело. Я не хочу.

— А мне, стало быть, не тяжело?

— Матушка сказала — ты должна это сделать! А я не хочу.

— Значит, и есть не хочешь, — заметила я, уписывая свой ужин.

— Какая ты жадная и ленивая! — яростно вскричала Жанна.

Она с грохотом опрокинула стул, соскочив с него, и рванула прочь с кухни.

Наевшись, я вернулась к моему тесту.

Оно как раз было готово, подошло на славу. Рыхлое, мягкое, теплое.

Деревянной скалкой, гладкой от частого употребления, я раскатала тесто и в самую его середину положила несколько ложек размягченного масла. Много масла! Наверное, столько же, сколько было и теста.

Обычно я делала круассаны менее калорийными. Но сегодня хотелось гулять на все!

Хорошенько распределила его по всей поверхности теста, сложила его конвертом и раскатала как следует.

Сложила тесто в трое и, уложив его обратно в миску, поставила на холодильник, на подоконник.

Работа успокаивала меня.

Глядя, как прогорают дрова, я размышляла, а не податься ли мне в пекари.

Ну, а что. Пекла-то я неплохо.

Конечно, если печь хлеб на весь город, то я, пожалуй, здорово умаюсь.

Но начинать с чего-то надо! В моем-то положении каждый грош на счету. И я за них буду воевать!

С тестом было много возни. Еще не единожды я его сминала и раскатывала, чтоб получилось побольше слоев и чтоб масло распределилось равномерно.

Между делом я поднялась покачать моих близнецов.

Наевшись, они спали хорошо. Даже мокрые пеленки им были не помеха.

Я их тихонечко перепеленала, повесила выполосканные пеленки сушиться на каминную решетку, и вернулась на кухню.

Когда в окнах за вечерело, тесто, наконец, было готово.

— Эй, Жанна! — позвала я. — Есть у твоей матери варенье? Если покажешь где, угощу вкусной булкой.

— Малиновое, абрикосовое и черничное, — сердито отозвалась она из темного угла на кухне. — Вон там, в буфете. Только трогать его нельзя!

— Сегодня можно, — ответила я, посмеиваясь. — Да и возьму-то я по ложке.

Жанна тотчас из угла вылезла и снова влезла на стул, готовая есть.

И ложку подобрала.

Я раскатала тесто в последний раз, нарезала на длинные треугольники.

Свернула круассаны, капнув по капле варенья в каждый, промазала маслом противень, и выложила тесто на него.

Печь дышала жаром. Воздух плавился.

Я расчистила от углей и золы ее горячий зев и ловко втолкнула в него противень. Прикрыла заслонкой.

Удивительно, но сытный, горячий, густой масляно-сливочный аромат поплыл по кухне тотчас.

Жанна округлила глаза удивленно.

— Что это так пахнет? — вскричала она.

— Выпечка, — ответила я весело. — Рада, что тебе нравится.

— Выпечка пахнет не так! — вскричала она. — Ты ведьма, что ли? Я чуть язык не проглотила вместе со слюнями!

— О, как опасно! Так может, тебе не стоит давать готовую булку? — озабоченно произнесла я.

— Нет, стоит, стоит! — завопила Жанна, колотя по столу ложкой.

Три тени — пятнадцать минут, — мы ждали, когда круассаны испекутся.

Жанна ерзала на стуле, страдая.

— Ну, скоро там? — выкрикивала она нетерпеливо то и дело.

Я открыла заслонку, выпустила горячее облако ароматного пара. Глянула в печь.

— Думаю, что готово, — и прихватками ухватила противень.

Как я его не уронила — не знаю.

Потому что, когда я его вынула, в свете тусклых свечей и фонаря на противне засверкали, словно груды сокровищ, круассаны.

Я бухнула их на стол и некоторое время тупо смотрела на них.

Круассаны, переливающиеся рубинами, сапфирами и красивыми янтарями!

Присыпанные мелкой россыпью алмазов!

Камни сверкали на румянном тесте, и совершенно непонятно было, как они туда попали.

Я же просеивала муку. Да и раскатывала тесто! Не было там никаких драгоценностей!

Хорошо, что Жанна была не такая впечатлительная.

Она с победным криком ухватила горячую булку и отправила ее в свой прожорливый рот. Раскаленную.

Горячую.

— М-м-м, как вкусно! — вопила она.

Драгоценные камни хрустели под ее зубами, как стекло в жерновах.

— Они сладкие, эти стекляшки! — радостно сообщила она мне, хватая второй круассан.

— Такие сладкие! Что слаще сахара! О, как вкусно! Дай еще!

— Мы договаривались на одной булке, — придя в себя, ответила я, когда Жанна ухватила третий круассан.

— Мало! — заорала Жанна.

Да так громко, что наверху ее услышали близнецы и проснулись, захныкав.

— Достаточно, — отрезала я, накрывая выпечку полотенцем. — Марш качать детей.

Тогда получишь еще булку.

— Ух, и жадная ты! — сердито выкрикнула Жанна.

— Марш!

Она сердито топнула ногой.

Но желание отведать еще волшебных булок было сильнее ее лени.

И она дунула наверх.

А я так и уселась на стул, уронив руки и изумленно таращась на грязную посуду с остатками муки.

Вот тебе и испекла бриллиантов...

Глава 12. Куда пойти, куда податься

Что я там просила обычно, выпивая положенную каплю магии?

Быть хорошей женой? Ха!

Вот о чем просить надо было!

Как жаль, что я купила так мало молока...

В общем, к приходу хозяев дома — а это было уже ранним утром, — я напекла еще и пончиков, полив их светло-шоколадной глазурью.

Какао я заняла у моих гостеприимных хозяев.

Как, впрочем, и варенья из зеленого крыжовника.

Оно застыло на блестящей глазури великолепными изумрудами.

Притом пончиков получилось так много, что прожорливая даже Жанна обожралась и свалилась спать прямо под стол, с зажатым в руке недоеденным куском.

А я, убрав все на кухне и перемыв посуду, кормила близнецов, сидя у огня на лавке.

На столе стояла миска с выпечкой для хозяев.

Мне не хотелось угощать этих хитрецов, попытавшихся усадить мне на шею свою дочь. Но узнать их мнение было интересно.

Я была вымотана, но все ж их возвращения дождалась, не легла спать.

— Ты гляди!.. — вскричал отец семейства, увидев необычные лакомства.

Но, наверное, он не понял, что это съедобно.

Он стащил с головы шапку и так и застыл над тарелкой.

Дети потянули было ручонки к еде, но мать им мигом нашла лепала подзатыльников, и те отступили.

— Откуда ж такое, — охала хозяйка дома, всплескивая руками. — Это, наверное, только в господских домах такое подают?! А кстати, что это такое? Украшения? Где вы взяли это, негодницы?! Украли?! Ума решились?! А если сейчас стража пожалует, что тогда? Это все ты, негодница! — накинулась она на меня. — Навязалась на мою голову! Воровка! Вот почему ты убегала — ты воровка! Пропали мы теперь! Приютили! А у тебя ворованное! Пропали теперь наши головушки!

И она завывала.

— Ничего мы не крали, — произнесла я твердо, перекрывая ее плач. — Это вообще выпечка. Булки. Сдоба.

— А?! — удивленно ответила мне хозяйка, прекратив орать и удивленно глянув на стол. — Это сдоба?!

Сияющее в лучах утреннего солнца изумрудное сокровище — булки?!

— Попробуйте, это вкусно, — подсказала я.

Хозяйка с недоверием взяла один пончик. Повертела его так и этак, ахая и разглядывая прозрачайшие камни.

А затем на манер Жанны запихала в пасть огромный кусок.

— М-м-м! — завопила она, хрустя леденцами. — Это!..

Ребятишки как по команде набросились на тарелку, и вскоре она опустела.

А все семейство облизывало пальцы, собирая крошки поколотившихся сахарных кристаллов.

— Это очень вкусно, — подсказала Жанна, выкатываясь коlobком из-под стола и осоловело хлопая глазами спросонья.

— Да ты, девонька, просто чудесница! — добродушно похвалил меня отец семейства.

— Ничего и никогда вкуснее не ела! — твердо добавила хозяйка дома, его жена.

Я улыбнулась.

— Ну, вот и занятие мне сыскалось. Значит, буду печь булки. Есть у вас пекарня? Попробую туда устроиться.

— Пекарь, наверное, возьмет тебя с радостью! — бесхитростно поддакнул мне мужчина.

Хозяйка сердито стрельнула на него глазами и преобольно наступила ему деревянным башмаком на ногу.

Да так, что он вскрикнул.

— А я вот слышала, что он уже набрал поварят на прошлой неделе, — злым голосом произнесла она, глядя мужу прямо в глаза. — Целую дюжину! Куда ему еще работников!

— Да, в самом деле, — сконфужено промямлил мужчина.

Хозяйка прямо-таки расцвела.

— Ты вот что, девонька, — заворковала она. — Может, будешь печь свои лакомства прямо здесь? А мы бы их продавали... Зачем тебе далеко ходить, ноги сбивать?

Я посмотрела на ее хитрую физиономию и усмехнулась.

Ну да, ну да, здесь печь...

Половину сожрет эта Жанна, половину само семейство прикончит.

А мне достанутся гроши. Потому что ушлая мамаша вычтет у меня из жалования и за муку, и за масло.

Да и нет у этого семейства столько денег, сколько мне надо.

— Я подумаю, — ответила я.

— А чего же тут думать? — с приветливой улыбкой людоедки проговорила мамаша. — Тебя, кстати, как зовут, милая?

Я на миг потерялась.

Там, в моем мире, меня звали серо и буднично — Яна.

В школе дразнили Яна-обезьяна. Я чуть и не вывалила это имя.

А потом вдруг вспомнила, что нежную, хрупкую синеглазую жену генерала дракона звали красиво — Иоланта.

И это имя я назвала.

— Иола, — тотчас же сократила его хозяйка. — А я, стало быть, Хильда. А это — Гюнтер. Да, Гюнтер? Ну, будем жить одной большой и дружной семьей? Трудиться на благо друг другу? Помогать, поддерживать! Кстати, деньги за комнату где? Давай-ка их сюда.

— Расписку, — ядовитенько произнесла я. — А потом деньги.

Хильда тотчас метнулась за пером.

Пока она бегала, Гюнтер склонился надо мной и тихо зашептал:

— Ты мою бабу не слушай! Она такая — демона обдерет. Совести-то на грош, а жадности на золотой соверен! Ты вот что. Сходи-ка к городской пекарне. К той, что на площади. Она самая большая и красивая, не ошибешься. Пекарь никаких поварят не набирал! А если и набирал, то никакой поваренок не сможет так настрять-то. Верно говорю.

И он отошел, чтобы его женушка не заподозрила нас в сговоре.

Хильда примчалась с бумагой и пером.

Шлепнулась за стол и довольно быстро написала расписку.

Я ей в ответ выложила три медяка.

— Три?! — вскричала хозяйка. — Это что еще за жульничество?!

— Жульничество — это не приготовить мне ужин, а плату взять, — заметила я спокойно.

— Но ты же...

— Я же купила продукты и готовила свое, — сурово ответила я.

— Но плата за комнату...

— А вы думали, что я вам пирогов бесплатно напекла?

Хильда прикусила язык.

— Надо б еще узнать, за сколько я могу их продать, — продолжила я. — А то может, вы мне должны?

— Пирог не может быть дороже комнаты! — сварливо выкрикнула Хильда.

— Могут — если сожрать их целое ведро, — заметила я.

И покосилась на Жанну, сидящую у печи и хлопающую глазами.

Хильда зло толкнула дочь в пышный зад ногой.

— Обжора! — зло выкрикнула она. — Так и знала, что тебя легче прибить, чем прокормить! Всю нашу выгоду прожрешь!

— Но это очень вкусно! — завопила Жанна в ответ. — Что я могла поделать?!

Я не стала слушать их перепалку. Поднялась и понесла близнецов наверх, в комнату.

Мне сегодня предстояло отдохнуть, а завтра с утра можно сходить в пекарню.

Глава 13. Фейергар

Я думал, мне показалось.
Магия капала, текла в семью ровным потоком. Я всегда его ощущал.
Но ночью, когда ярость утихала, убаюканная усталостью, почти в беспамятстве, я услышал еще. Еще одну тонкую капель.
Две крохотных струйки.
Звучащие как слабый пульс.
Но они были!
Я слушал их как замороженный.
Долго, представляя, кто бы это мог быть, и отгоняя прочь мысль о том, что это не дальние родственники, не дети какой-нибудь кузины, а мои дети.
Рывком сел в постели.
Смахнул ладонью с лица душную дрему, спутанные мокрые от горячечного пота волосы.
И снова затаил дыхания, прислушиваясь.
Магия звенела отчетливо.
И не было никого в семействе, кто бы ожидал детей!
Не дальние родственники, ни ближние.
Бастарды?
Бастардов никто не стал бы потчевать высшей магией. Это слишком дорого, да и бестолково.
Бастарда не признал бы ни один дракон. А если б и признал — о, слишком щекотливая тема!
Не признала бы семья.
Пойти против семьи? Растить нечаянно нагулянных детей? К чему, если есть законные?
О бастардах можно заботиться, но связывать с семьей кровной магией?..
Им сгодились бы и крестьянская.
И со временем они потеряли бы связь с драконьей семьей. Стали бы просто людьми.
Все эти сомнения и вопросы пронесли в моей голове одной длинной, но быстрой мыслью, пока я приводил себя в порядок.
Меня никто не должен видеть слабым и отчаявшимся.
Даже самые близкие.
Особенно они.
В комнату Милдред я ворвался, на ходу застегивая тугой жесткий ворот формы.
Двери повисли на петлях, выбитые моим ударом.
— Где это произошло? — крикнул я.
Почти крикнул.
В душе моей все кипело, эмоции рвались наружу как лава из вулкана.
И если б они не сжали мое горло, я бы зарычал на весь дом так, что стены б тряслись.
Но теперь... эта догадка потрясла меня так, что я задыхался в собственном теле.
И я мог лишь глухо хрипеть. Как отдающий богу душу каторжанин.
— Где?
Этот вопрос я задавал ей сотни раз за эти несколько дней. Пытаясь в мельчайших деталях представить место, время и само происшествие.
Мне это было важно.
Милдред не спала.
С того дня, пожалуй, она забылась лишь на пару часов после операции.

И то не потому, что ей было больно. Врачи постарались, чтобы боли она чувствовала как можно меньше.

Но что, какие пилюли уймут боль души? В столь молодом возрасте остаться без ноги...

И с тех пор она оплакивала свое уродство, не забываясь ни на миг. Не растворяясь в спасительном сне. Ее разум противился действительности и искал выход. Но увечье было необратимо.

И дать ей свою магию я не мог.

Это означало б принять ее в свою семью. Но этого я не собирался делать.

Даже для женитьбы время было неподходящее. Жена моя признана пропавшей, но не умершей. Ее или ее останки искали. И пока не нашли — я не свободен.

А значит, никакой целительной магии для Милдред у меня не было.

А император посчитал, что адъютант, пусть даже самый преданный, не достоин пить высшую магию, которую нет-нет, да отплескивали героям войн.

Получить ранение вне поля боя, и потерять жену генерала — это не тот подвиг, за который могли наградить.

Пуля раздробила ей кость выше колена. В мелкие осколки, изрезавшие мышцы.

Выстрел отличный. Почти смертельный.

Такой мог сделать недрогнувшей рукой только профессионал.

Странно, что Милдред смогла выкарабкаться. Почти истекая кровью, с раздробленным бедром, пережатым и перевязанным тонким шелковым шарфом моей жены...

И ногу отняли почти под самый пах.

Она была после операции, как волчица. Рычала и в ярости грызла изголовье кровати. Заливалась слезами и снова была.

То ее горячая кровь, что не дала ей умереть, бурлила и жгла ее. Клеймила ее калеккой. Стучала в висках неумолимым словом «уродство».

Милдред, трясаясь всей кожей от сжигающей ее боли, посмотрела на меня.

Она велела служанкам расчесать ее волосы и накрутить их. Неуместно тугие кудряшки прыгали по ее плечам как пружинки.

А на шее липкой жирной пленкой плыл болезненный пот.

И блестящие впалые щеки казались восковыми.

Милдред и платье надела элегантное. Зашнуровала туго корсет.

Она всеми силами хотела казаться прежней.

Собранной, элегантной, сильной.

Но даже когда она молчала, я слышал раздирающий ее душу вой.

Он был и в этом взгляде. И в горячем болезненном дыхании.

Она расклеилась.

Этот роковой выстрел ее уничтожил. Она не перенесла собственного уродства, не приняла его.

Что ж, жаль.

— Я уже говорила! — выкрикнула она с ненавистью. — На Зеленом тракте. Зачем вы спрашиваете меня об этом снова и снова? Зачем возвращаете в тот день и мучаете?!

Губы ее тряслись.

И я с удивлением подумал, что никогда даже подумать не мог о том, что Милдред может плакать.

— Кое-что изменилось, — спокойно ответил я. — Я должен быть абсолютно уверен, что она мертва.

Кое-что. Очень важное «кое-что».

Этот нитевидный, слабый пульс в сосуде с магией означал только одно: мой ребенок жив.

Точнее, дети.

Двое. Близнецы!

Эта мысль кружила мне голову. Мои дети живы! Они рождены и живы, и их двое!..

Двое.

Такая крохотная деталь, но такая важная. Никто ведь об этом не знает. Только я — и, пожалуй, семья. Но родня могла и не обратить внимания на такую слабую пульсацию магии. Она ведь со мной связана ближе всех. Поэтому я услышал.

Почуял своих новорожденных детей.

И, в чьих бы руках они не были, их не собираются убивать.

Наоборот — их поят дорогой магией. Чтобы они росли и крепили...

Зачем? Хотят потом меня шантажировать?

Настроить против меня, взрастив сильных драконов?

Так-так...

Но если они живы, то что с Иолантой?

Пожалуй, впервые за это время я допустил мысль о том, что и она, скорее всего, жива.

Жива...

Надо искать не ее останки по канавам, а живую женщину.

— Она мертва! — прорычала Милдред. — Сколько раз я должна это повторить, чтоб вы хорошенько распробовали это слово на вкус?! Те, кто попадают в болото, не выживают. Нет. Такого не бывает!

Я промолчал, слушая магию.

— И это все, зачем вы приходили?! — с ненавистью выкрикнула Милдред, заметив, как я отступаю к двери. — Это все, о чем вы хотели сказать?!

— Чего ж вам еще, — сухо произнес я.

Милдред скрипнула зубами. Яростно рванула полу своего нарядного платья.

Нечаянно — или как раз нарочно, — обнажила перебинтованную культю.

На месте, где было колено — тугой клубок пропитанных кровью бинтов.

Милдред терзает их, когда никто не видит, и воет.

Потому рана все никак не перестает кровоточить.

— Я потеряла ногу! — скулит она. жалко, со слезой. — Я исполняла ваши приказы, я служила вам и потеряла ногу! А у вас нет ни единого теплого слова для меня?! Ни минуты для разговора?

Я снова смерил ее взглядом.

— Все мы что-то теряем. Если я буду жалеть каждого раненного солдата, у меня не останется времени чтобы жить.

Милдред зарычала так, что я думал — у нее разорвется грудь и лопнет сердце.

— Я для вас всего лишь солдат?! — заорала она. — Посмотрите-ка хорошенько, Фейергар!

На этот краткий миг она снова стала собой. Опасной, обжигающе-горячей, отточено-острой хищницей.

Раненой, но все равно готовой драться.

Но это длилось лишь миг. А затем уступило место слезам и дрожащим губам, которыми она все еще пыталась улыбнуться.

Я оглядел ее внимательно и отступил еще дальше.

— Ранение угнетает вас, — сухо ответил я. — Поправляйтесь скорее. Мне не хватает вашей исполнительности, твердости и холодного рассудка.

И я вышел вон, чтобы не слышать, как она снова воет и скулит в своей пропахшей кровью берлоге.

Глава 14. Лейтенант

Я свалилась на кровать, как мешок с мукой.

Так выдохлась, что еле-еле смогла разместить младенцев, чтоб не придавить их.

Вот маята-то...

— За что мне эти муки, — бормотала я, устраиваясь кое-как, в уголке, чтоб не потревожить детей.

Проспала я недолго.

Обострившимся слухом уловила какой-то звук, подскочила... и чуть не вывалилась из своей постели-шкафа на пол.

Близнецы спали.

А на стене, словно тусклый телевизионный экран, горело зеркало.

— Яна, вы слышите меня?

Конечно, слышу!

Я сорвалась с места, кинулась к зеркалу.

Обтерла его до блестящей гладкости, застучала в него ладонями...

Наверное, любое другое зеркало лопнуло бы от моих ударов, но не это. Оно сухо звенело, как стылый лед о стенку высокого бокала.

И мой задыхающийся голос был стерт, уничтожен этим звоном.

— Слышу, слышу!

Но там, за зеркалом, у меня вырвалось одно только жалкое слово.

— Слышу...

Сходя с ума от волнения, я сосредоточилась на том, что вижу.

А видела я все то же — больничную палату, зеленые крашенные стены, беленый потолок.

И молоденького лейтенанта у постели. У моей постели, если быть точнее.

Он выглядел каким-то подавленным и виноватым, что ли.

— Что, наши дела не очень? — еле смогла произнести я, стараясь, чтоб голос звучал шутливо.

Потому что рот мой вдруг оказался болезненно онемевшим. Я еле могла шевелить языком. Наверное, челюсть сломана?

И каждый вдох растекается болью по грудной клетке. Отлично! Похоже, и ребра в фарш!

Лейтенант согласно кивнул головой. Будто он виноват в этой аварии и в моем плачевном состоянии.

— Врачи делают все возможное, — стыдливо произнес он, стараясь не смотреть мне в глаза.

— Но?... — произнесла я. — Похоже, все равно склею ласты?..

Пытаюсь шутить. А боль с каждым мигом все больше завоевывает мое тело. Болит абсолютно все. Действующей рукой пытаюсь нащупать ноги — и не могу. Даже бедра не могу коснуться.

От ужаса по спине бежит озноб, и я руку убираю.

Чтобы даже нечаянно не нащупать мертвую пустоту...

Лейтенант сжал зубы так, что желваки заиграли на щеках.

Коротко кивнул. Ну, зато честно.

— Сильный удар пришелся в нижнюю часть туловища...

А, понятно.

— Ноги оторвало?... — шепчу я понимающе.

Он молчит.

Я молчу тоже. Боюсь даже пискнуть, потому что паника и ужас заливают мое сознание. Я-то хотела вернуться. Рассчитывала, что все заживет. Я поправлюсь. Думала — если сознание мое сохранилось, даже пусть и в другом мире, значит, шанс есть!

А возвращаться-то, похоже, некуда...

Тело как из мясорубки.

И это не заживет никогда.

— Почки, — выдавил, наконец, лейтенант. — Почки не выдерживают. Отказывают. Печень...

— Не надо, — произнесла я и отвернулась. — Я поняла.

— Но шанс есть! — горячо произнес лейтенант, сжимая ладони. — Яна, не сдавайтесь! Боретесь ведь сейчас? Ну, что-то вас держит? Держитесь за это!

В его руках шуршит пакет.

Обычный пластиковый пакет, из магазина. Мне даже любопытно стало, что там.

— Вы мне что, вкусняшек принесли? — спрашиваю я любопытно. И он осекается.

— Ну... в общем, да, — отвечает он немного удивленно.

Наверное потому, что обычно умирающие реагируют на свой диагноз немного иначе. Ну, как умею, прости, лейтёха...

— Что там? — с меньшим любопытством спрашиваю я, еще больше вгоняя молодого лейтенанта в ступор.

— Груши, — ответил он неуверенно. — Хотите? Я, правда, не знаю, можно ли вам...

— Да бросьте, — пытаюсь смеяться я. — Таким, как я, можно все. Давайте!

Груша оказывается влажной, мытой, мягкой и невероятно вкусной.

Сок течет по моему сухому языку, и я растворяюсь в блаженстве. Ничего вкуснее не ела, чем эта больничная переспелая груша...

Но больше четвертинки мне съесть не удалось.

Отворачиваюсь от поднесенной к моим губам еще одной дольки и закрываю устало глаза. Пусть я запомню этот мир таким вот, как эта груша — сладким.

— Что там мать с братом? — шепчу я.

Лейтенант укладывает остатки фруктов на тумбочку и покаянно свешивает чубатую голову.

У него шикарные густые волосы. Светлые, чуть рыжеватые. Красивый парень.

— Ну, до окончания следствия в ваш дом они не войдут, — твердо пообещал он.

— Отличная новость, — шепчу я из последних сил. — Но?..

— Но могут отвертеться, — недовольно заметил лейтенант. — Похоже, у вашего брата есть связи. И адвоката неплохого он нашел. А тот нажимает, что вы в вашем положении недееспособны.

— Да, сильный ход. Умный, — соглашаюсь я.

Лейтенант поднимает лицо. Оно мертвенно-бледное. Карие глаза на нем кажутся бездонными черными провалами. Он меня осматривает, и губы его сжимаются в тонкую белую полоску.

— Как же вот так можно, — выдыхает он. — Я один, братьев-сестёр нету. Все б отдал, чтобы они были! Семья... А эти вот так запросто угробили... и даже не раскаиваются! Ну, они у меня попляшут!

Он крепко ударяет кулаком о колено.

— Да не кипятись, лейтенант, — шепчу я. — Мне скоро это все будет пофигу.

— Я сделаю их недостойными наследниками! Обещаю! Ничего они не получают, ни по суду, никак!

А вот это мысль.

Наследник, вот кто мне нужен.

Тогда они с носом останутся. И бог им судья.

— А ты знаешь какого-нибудь приличного нотариуса, лейтенант? — шепчу я. — Твою работу можно облегчить.

Тот качает головой.

— Ваше состояние дает им право оспорить завещание. Любое, — ответил он горько. — И они это сделают. И с большей долей вероятности выиграют дело.

— Можно комиссию собрать, чтоб подтвердить мою вменяемость...

— Тогда придется отказаться от обезбола. А этого делать нельзя. Сердце не вынесет.

— Да-а... куда ни кинь, везде клин...

Я задумалась. Снова провела по зеркалу ладонью, чтоб лучше видеть лейтенанта.

Хорошенький какой... даже на сердце стало теплее. Такие красивые парни за мной не ухаживали. Просто некогда им было. Я ж по развлечениям не бегала. Все горбатилась на эту квартиру, будь она неладна...

Я решительно сняла с шеи кулон с магией.

Капнула не одну — сразу три в раскрытые губы.

От них разгорелись глаза, да так, что стали в магическом зеркале отражаться, затмевая светлый образ моего лейтенанта.

— Ну, так что там с нотариусом? Хоть одного приличного знаешь?

Лейтенант пожал плечами.

— Ну, Зайцева, например, Тамара Павловна. Хороший специалист с незапятнанной репутацией.

— Зайцева... так. А ты у нас кто?

Лейтенант оторопело на меня посмотрел, словно усомнился в моей вменяемости.

— Ну, имя твое как?

— Огнев Борис Леонидович. А зачем?

— Надо, — ответила я.

Какой-то обгоревшей щепкой от лучины, которой зажигала свечу, я нацарапала эти имена на стене, рядом с зеркалом.

Отошла на шаг, глянула на них.

А потом крепко-накрепко зажмурила глаза и пожелала, чтобы в рабочем столе и в компьютерной документации этого нотариуса оказалось мое завещание на этого лейтёху.

Выполненное по всем правилам. Заверенное.

Написанное примерно пару месяцев назад...

— Ты к ней сходи, лейтенант. Спроси. Может, найдет она мое завещание... И на оглашение тоже сходи...

Глава 15. Первый заказ

Потрясенная открывшейся правдой, я сидела на кровати и терла виски ладонями.

Щеки мои пылали, сердце гулко колотилось. Но я, как мне казалось, мужественно перенесла эту новость.

Вот тебе и вернулась... значит, обратного пути нет.

И мать близнецов не вернется и не заменит меня. Теперь это мои дети. Моя проблема. Моя ответственность. Все-таки, я им обязана. Они не позволили мне пропасть в небытие. Они меня спасли. И я должна спасти их тоже.

Теперь я это точно знала.

Значит, придется тут устаиваться самой. Прочно. Навсегда.

— О, боже мой, — дрожащими губами прошептала я.

Да, мне было ужасно страшно.

Но я не поддаюсь панике. Знала: скиснешь сейчас — и потом уже не выберешься.

— Только веред!

До утра я дремала, занималась детьми и строила планы, разрабатывала стратегии.

А утром я поднялась пораньше и собралась в город.

В корзинку, на чистую салфетку, я уложила остатки пончиков и круассанов, сверкающих карамельными драгоценностями.

Растолкала Жанну, задремавшую на кухне, над горшком с недоеденной кашей.

— Держи, — вручила ей две бутылки с молоком, заткнутые тряпочными пробками. — Будешь заботиться о близнецах, как в пошлый раз, получишь два медяка.

— Молоко? — удивилась Жанна. — Откуда?

— Сцедила, — ответила я.

— Фу, гадость какая! — вскричала Жанна.

— Для младенцев в самый раз, — ответила я. — Ну, живо наверх!

Сама я тщательно причесалась, оглядела платье — оно было чисто, свежо.

Надела свой плащ, взяла корзинку и отправилась в город, искать булочные и кондитерские.

Несмотря на ранний час, торговая площадь была оживлена и полна народом.

Сквозь осенний туман было видно, как торговые ряды наполняются товаром. Люди жгли костры, чтоб прогнать сырость и мрак, и атмосфера была какой-то предпраздничной.

Я определенно ощущала, что мне сегодня улыбнется удача и уже предвкушала ее.

— Главное — не тушеваться и не уступать, — бормотала я в радостном возбуждении, вышагивая к горячей витрине булочника. — И стоять на своем!

Признаться, я обошла со своими пончиками не одно заведение.

Но всюду хозяева, обсыпанные мукой, лишь качали головой.

В их лавках продавался простой обычный хлеб, не требующий украшений из сахара.

И лишь в четвертой лавке мне повезло.

Я вошла в теплый торговый зал из мрака и сырого холода.

Над головой моей звякнул колокольчик. В лицо пахнули ароматы свежее испеченных вафель и ванили.

— Чего желаете, барышня? — тотчас отозвалась румяная приветливая хозяйка у прилавка. — Пирожных или кренделей к чаю?

Я огляделась.

О, как удачно я попала!

Витрины были уставлены воздушными корзиночками из хрустящего теста, наполненные взбитыми сладкими сливками и украшенные вишенками из варенья.

На белых салфетках стояли серебряные блюда, а на них горкой возвышались конфеты, нарезанные недавно острым ножом хозяйки.

Бисквиты тоже были. С прослойками алого крема из клубничного варенья.

Несомненно, это были вкусные сладости. Но совершенно обычные.

— Желаю предложить свой товар, — весело ответила я.

Хозяйка оглядела меня с головы до ног.

— Корицу и ваниль мы закупаем в начале недели, — ответила она менее приветливо. — А больше нам не требуется пока.

— А я не о корице говорю, — весело ответила я, выставляя на ее прилавок тарелку со своим сверкающим пончиками.

Та так и ахнула, всплеснув руками.

— Это что? Это из чего? — пробормотала она, осторожно ткнув в острые вершинки синих и красных кристаллов пальцем.

— Из сахара, разумеется, — ответила я. — Попробуйте, не бойтесь.

Она с недоверием взяла пончик. Долго вертела его так и этак, прицеливаясь, куда б кунуть, чтоб не пораниться о «драгоценности».

Наконец, откусила.

И зачмокала, замотала головой, распробовав.

— Отец! — завопила она. — Иди-ка сюда! Посмотри, что тут!

Из смежной комнаты, отгороженной старой плюшевой зеленой шторой, вынырнул мужчина. Верно, хозяин лавки.

— Глянь! — сияющая хозяйка сунула ему под нос надкусанный пончик. — Красиво, а? И вкусно! Очень вкусно!

Лавочник оказался мужчиной суровым. Он посмотрел на сияющие кристаллы, затем на жующую жену.

— Экая невидаль! — сварливо произнес он. — Стеклашки! И что прикажете с ними делать?

— Это сахар! — с жаром произнесла его жена и откусила еще кусок в подтверждение своих слов. — И эта добрая женщина испекла это! Славно было б, если бы и нам она такое пекла, а? Подумай! Ни у кого нет ничего подобного! Да мы б озолотились!

— Озолотилась бы она! — сердито ответил ее муж. — Ей, небось-ка, платить надо. А лишних денег нет!

— Так значит, нет?.. — с упавшим сердцем произнесла я.

Отказ меня как-то выбил из колеи.

Я-то шла сюда в абсолютной уверенности, что кондитерская лавка заинтересуется моими сладостями!

Но лавочник был непоколебим.

— Своего товару навалом! — сурово огрызнулся он.

Лицо его довольной жены как-то враз поскучнело. Глаза ее погасли.

Видно, она первая снимала пробу со сладостей.

И рассчитывала мои «драгоценности» лопать ложкой.

— Ну, что ж...

Я в замешательстве отступила к дверям.

И тут кто-то подхватил меня под локоток, вежливо, но весьма цепко.

— Раз вы не заняты, то, верно, я вас могу нанять, — произнес приятный молодой человек, посетитель лавки, на которого я прежде не обратила внимания.

Он, видимо, занимался выбором десертов, когда я предложила свои пончики хозяевам лавки.

— Не могли бы вы кое-что испечь для одной очень состоятельной особы, — произнес он, кланяясь.

— Эй! Это моя работница! — выкрикнул суровый лавочник. — Тут я решаю, может она или нет! Плачу двадцать серебряных в месяц!

Молодой человек чуть приподнял шляпу и отвесил вежливый поклон в сторону лавочника.

— В найме этой девушки вы немного опоздали! — весело ответил он. — Так что становитесь в очередь!

— Жадный дурень! — вскрикнула его жена и треснула его по голове пустым блюдом для пирожных. — Вечно ты из-за гроша упускаешь выгоду!

— Так они что, — потрясенная, зашептала я, — хотели просто сбить цену? Торговаться с жалованием?

— Ну, разумеется, — весело ответил мой наниматель. — Так что, вы готовы проявить ваше искусство?

— Так вы серьезно? Вам действительно что-то надо испечь? — удивилась я.

— Конечно. Я не пошутил, — ответил он. — Пойдемте на улицу, обговорим детали. Тут не очень-то удобно. Могут подслушивать и украсть идею.

И он повлек меня в сторону дверей.

Хозяйка заведения выглядела безутешной.

Она прижимала блюдо к груди с такой силой, словно удерживала свое сердце от неминуемого разрыва.

— Я зайду к вам позже! — выкрикнула я, чтобы ее как-то утешить.

— Может быть, — небрежно добавил мой внезапный наниматель.

И мы вышли на воздух.

— Итак? — произнесла я, когда мы очутились подальше от лавки.

— Итак, — весело произнес он, поклонившись учтиво мне. — Я управляющий в одном очень богатом и важном доме. Уважаемое семейство в городе. И скоро у дочери моего хозяина будет день рождения.

— А, понимаю! — воскликнула я. — Она хотела бы что-то особенное!

— Да, — ответил молодой человек. — Кстати, меня зовут Гарольд.

— А меня Иоланта, — весело, в он ему, ответила я.

— С приятным знакомством нас, Иоланта! — учтиво сказал Гарольд и снова приподнял свою щеголеватую шапочку.

Судя по его одежде, по его манере держаться, хозяин его был действительно богат. Гарольд был одет, может, не по столичной моде, но добротно и не без блеска.

Его крепкие кожаные сапоги были украшены тиснением на голенищах и блестящими пряжками на застежках-ремнях.

Штаны, жилет — из тонкой теплой шерсти. Жилет шит шелковым нитями. Куртка из лучшего сукна, прочная, новая, с блестящими пуговицами.

Словом, этот молодой человек с приятной улыбкой и светлыми кудрями производил самое благоприятное впечатление.

— И чего же хочет ваша юная хозяйка?

Гарольд вздохнул тяжело... и рассмеялся.

— Она хочет сказку, — ответил он. — Но ни одно пирожное в той лавке на сказку похоже не было.

— А поточнее? — спросила я.

— Она недурно рисует, — уклончиво ответил Гарольд и полез во внутренний карман своей щегольской куртки. — Вот, взгляните.

Он вынул сложенный в несколько раз лист плотной бумаги и протянул его мне.

На бумаге этой при ближайшем рассмотрении был изображен белый замок посередине гладкого круглого озера. Феи и бабочки парили над его башнями, а над крышами вертелись узорные флюгера.

— Аг-га, — промолвила я. — Она хочет торт.

— Самый необычный торт на свете, — заметил Гарольд. — Такой, какого и у короля не увидишь и не отведаешь! Ну, как вам такое?

— Что ж, — я отчаянно почесала макушку, — попробовать-то можно...

— Только?.. — подхватил Гарольд. — Что мешает?

— Отсутствие кухни и ингредиентов? — неуверенно ответила я.

— Так для этого существует наша кухня, — галантно ответил Гарольд. — Все наше масло, все сливки, сахар, шоколад и пряности в вашем распоряжении!

— Тогда можно попробовать! — решительно ответила я.

Глава 16. Торт

Дом, куда меня привез Гарольд, и в самом деле был богатым. Он стоял на главной улице города, окруженный высоким забором, за которым были белые мраморные фонтаны, красивые деревья и все еще зеленый, несмотря на слякотный октябрь, газон.

Разумеется, в сами покои меня никто не пустил.

А вот на кухне встретили очень радушно.

Главным образом потому, что Гарольд с видом фокусника выставил перед измученными поварами и взгрустнувшим поваром мою корзинку с чудо-пончиками.

— Кажется, — ликуя, произнес он, — я нашел решение вашей проблемы, уважаемый Андрэ! Эта милая девушка печет невероятные вещи. Может, и заказ нашей госпожи осилит?

— О, это было бы очень кстати! — воскликнул краснощекий усатый шеф-повар в раскишем колпаке. — Наши десерты не вдохновляют юную госпожу! А ведь они такие вкусные!

Это он мне адресовал. Явно уязвленный тем, что его искусство не оценено по заслугам.

— Даже не сомневаюсь в этом, — твердо ответила я. — Но кажется, юной госпоже интереснее форма чем содержание?

— Вот-вот! — вскричал безутешный шеф. — На содержание ей плевать!

— Что ж, — решительно сказала я, расстегивая плащ и поручая его заботам Гарольда. — Думаю, я смогу помочь вам достичь нужной формы.

— Покажите милой Иоланте заготовку, — хитро шурясь, произнес Гарольд. — А я меж тем откланяюсь!

И он просто... удрал с кухни, оставив меня наедине с безутешными, но обретшими надежду поварами.

— Юная госпожа плачет, а ее отец изволит сердиться! — жаловался мне шеф, увлекая меня под руку в прохладную кладовку. — Ах, чего мы только не делали! И все ей не нравится!

В кладовке меня ждал сюрприз.

Да я бы сказала — сюрпризище!

Огромный торт высотой в мой рост на большой тележке!

Чудесный, прекрасный торт, украшенный розами и незабудками из взбитых сливок и сладкого масла. Перевитый рюшами, кружевами и лентами из нежного зефира.

— Лучший воздушный бисквит! С орехами, цукатами и ягодами! Но все не то, не то! — в истерике ломая руки, восклицал повар. — Понимаете?! Будет приглашено много гостей, и наш торт должен всех потрясти, понимаете?! Юная госпожа говорит — такие, как этот, торты у всех. Ну, конечно, у всех! Чем и как его еще украсишь?! Как я должен сделать из торта замок?! А если я не выполню ее заказ, то и жалования мне не видать!

— Пять золотых, — жестко сказала я, оглядывая торт так и этак, — и я помогу вам исправить дело.

— Десять, — так же жестко ответил повар, — если это будет сделано сегодня.

— О, это нужно будет постараться! Шоколад, сахар и варенье у вас есть?

Повар с жаром закивал.

— Тогда выкатывайте вашего монстра в рабочий зал! — скомандовала я.

Мне выдали колпак, фартук, лесенку, чтоб можно было взобраться к вершине торта, и я засучила рукава.

Перво-наперво я снимала все украшения под грустные вздохи несчастных повара.

Все цветы, все розы, лилии и весь зефир.

Торт остался голым, ободраным и неряшливым, словно кто-то его уже ел.

— Отнесите все розы пока в холод, — велела я. — Не выбрасывайте и не ешьте. Они очень недурны. И нам еще пригодятся. Да натопите побольше белого шоколада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.